

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Письмо НИ ОТ КОГО

**Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 80-х**

Геннадий СОРОКИН

Геннадий Геннадьевич Сорокин
Письмо ни от кого
Серия «Андрей Лаптев», книга 4
Серия «Детектив-ностальгия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48679031
Письмо ни от кого / Геннадий Сорокин: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-107476-0

Аннотация

1988 год. В одном из сибирских городов совершен теракт. В результате управляемого взрыва в кафе погибли четверо авторитетных посетителей, собравшихся для серьезного разговора. Расследование поручено группе оперативников капитана Андрея Лаптева. Он понимает: в городе начинается новая, криминальная эпоха. Неожиданно в деле происходит крутой поворот: следствие получает письмо, в котором говорится, что взрыв в кафе – дело рук таинственной организации, уничтожающей преступников, по разным причинам избежавших возмездия. Теперь под подозрение в совершении кровавого акта попадают и сами сыщики...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	37
Глава 5	52
Глава 6	69
Глава 7	79
Глава 8	96
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Геннадий Сорокин

Письмо ни от кого

Глава 1

«Белая стрела»

С Петром Курочкиным я учился на одном курсе Омской высшей школы милиции. После окончания школы мы не виделись почти шесть лет. Осенью этого года Петр приехал к нам в город в командировку. Закончив с делами, он нашел меня, мы встретились, посидели, поговорили, вспомнили курсантские годы. Разговор о «Белой стреле» завел я. Курочкин не хотел говорить на эту тему, но я был настойчив.

– Петя! – наседал я. – Ты что думаешь, что я разучился язык за зубами держать? Я друзей не предаю. Если ты состоишь в «Белой стреле», то от меня об этом ни одна живая душа не узнает.

– Нигде я не состою! – возмутился приятель.

– Если ты не при делах, то давай, рассказывай! У нас «Белой стрелы» нет. А у вас, в Новосибирске, она, говорят, третий год действует, город от бандитов очищает.

– Нет у нас никакой «Белой стрелы»! – упорствовал Курочкин. – Вспомни 1986 год, сколько тогда слухов было про

«Черный эскадрон»? Ну и где он? Болтовня одна.

– Петя, что ты равняешь «Черный эскадрон» и «Белую стрелу»? – неподдельно возмущился я. – «Черный эскадрон» – это изначально полулегальная полицейская организация для расправы над неугодными лидерами профсоюзного и общественного движения. Убийство уголовников для «Черного эскадрона» – это побочная задача. У нас в стране такую организацию не создашь. В Бразилии можно, в Аргентине можно, у нас – нет. Скажу тебе мое личное мнение: когда в 1986 году в журнале «Советская милиция» напечатали повесть «Черный эскадрон», я подумал, что эта публикация – предупреждение для зарвавшихся либералов. Мол, ребята, у нас, конечно, не Латинская Америка, но если понадобится, управу мы на вас быстро найдем, и никакая гласность вам не поможет. «Белая стрела» – это совсем другое дело! Это кустарщина, самодеятельность. В любом райотделе можно такую шайку сколотить.

Он еще немного поупрямился и сдался.

– У нас разговоры о «Белой стреле» пошли с прошлого года, – начал Курочкин. – Поговаривали, что есть подпольная милицейская организация – она уничтожает преступников, которым удалось уйти от возмездия. Никаких конкретных примеров не было, так, болтовня одна, слухи, кухонные разговоры. Сам посуди, кто поверит, что ради восстановления справедливости какие-то менты под расстрельную статью пойдут? Убивать бандитов без суда и следствия – дело

благородное, только никто лично не захочет руки кровью мазать. Одно дело в горячке сказать: «Я бы убил его!» и совсем другое – нажать на курок.

– Согласен! Слово и дело – разные вещи.

– Слушай дальше! Работал у нас в отделе один опер, я буду называть его Василий, а как его на самом деле звали – неважно. Был Василий парень так себе, ничем не приметный, но исполнительный, трудолюбивый. Звание у него – капитан, возраст – тридцать лет. В этом году, в январе, поздним вечером жена Василия с малолетней дочкой возвращались домой. Время суток – темное, дорога скользкая, идет легкий снежок. На переходе через Красный проспект жену и дочку насмерть сбивает автомобиль «Волга». За рулем «Волги» пацан, студент третьего курса университета. Машина принадлежит его папаше, которого я буду называть Яковом. Этот папаша – очень влиятельный в Новосибирске человек. Когда-то он работал в обкоме партии, потом перешел на профсоюзную работу. Словом, папа Яков знал в городе всех нужных людей.

Началось следствие. Установили: автомобиль летел по проспекту с максимальной скоростью, у потерпевших не было никаких шансов успеть отскочить с проезжей части. Вина водителя – стопроцентная. Свидетели происшествия есть, заключение автотехнической экспертизы есть.

Вася наш после гибели семьи впал в депрессию и стал задумывать о самоубийстве. Представь: была семья, по вече-

рам дочка смеялась, рассказывала, как у нее в детском саду дела, и ни осталось ничего – два гроба, два могильных креста. Мы его всем райотделом выхаживали, антидепрессанты по блату доставали, неделями разрешали на работе не появляться. К лету он кое-как очухался, стал на человека похож.

В первых числах июня Васю вызывает прокурор и говорит, что уголовное дело по факту гибели его семьи прекращено за отсутствием в действиях водителя состава преступления. Вася на дыбы: «Как это прекращено? А экспертиза? А свидетели?» Прокурор показывает ему заключение экспертизы, а оно уже переписано и циферки в нем стоят совсем другие. Не виноват водитель! Не имел технической возможности остановить транспортное средство. Вася: «А свидетели?» Прокурор усмехается: «Какие свидетели? Это те прохожие, что у обочины стояли? Они как скорость автомобиля определили, на глазок? Или у каждого специальный прибор с собой был?» Вася понял, что ему никогда правды не добиться, и запил по-черному. Папа Яков после прекращения дела отправил сына в Москву, в другом вузе учиться. На этом первая часть действия закончена. Все, больше в этой драме никаких событий нет.

Часть вторая. В конце августа папа Яков, Алиса Попова и жена Якова поехали к друзьям на дачу. Пару слов об Алисе. Волосы у нее черные густые – настоящая львиная грива до плеч. Ростом она примерно метр восемьдесят, не баскетболистка, но дылда – будь здоров! Грудь у Алисы – как у

голливудской звезды – два футбольных мяча из-под декольте наружу просятся. Попа дельная, округлая, бедра покатые, живот плоский, ноги длинные. Представил, какая она? Все в Алисе хорошо, но черты лица грубоватые: нос крупный, рот большой, как у Красной Шапочки. Словом, девица – на любителя. Я бы с такой кобылой даже связываться не стал. У меня ни сил, ни денег, ни желания нет такую лошадь объезжать, а кому-то она очень даже нравится. Поговаривают, в постели Алиса такие штучки вытворяет – ни в одной Камасутре не прочитаешь. Чем по жизни она занимается, никто толком не знает, но в лучших новосибирских кабаках для нее всегда местечко зарезервировано.

Что-то я немного отвлекся, но это – в тему. Так вот, поехали они на пикник. Потом, когда следствие началось, мы стали интересоваться: «Алиса Попова с вами в качестве кого поехала?» Жена Якова отвечает: «Она знакомая моего мужа». Ей, значит, Алиса не знакомая и не подруга, а если с мужем – то ничего, все нормально. Новый тип семейных отношений – временный легальный треугольник. Перестройка! Новое мышление. Долой разборки с любовницами! Если муж с Алисой развлекается, так хоть перед знакомыми стыдно не будет. Алиса – девушка яркая, с первым встречным в постель не ляжет.

Опять я не туда! Все, теперь – к делу. На даче собралось гостей человек десять. Пожарили шашлычок, выпили коньячку, сплясали под магнитофон, устали, прилегли в до-

ме отдохнуть. Яков не устал. Они с Алисой пошли в лесок прогуляться. Лес на даче начинается прямо за забором. Открыл калитку с заднего двора – вот тебе – сосенки стоят. Прошло минут десять, и на всю округу раздается истошный вопль Поповой. Гости – ноги в руки и за ними. Прибегают на полянку в лесу возле дачи и видят такую картину: по траве в истерике катается Алиса, а Яков лежит на спине, раскинув руки. Из глаза у него торчит... длинная стрела с белым оперением.

Началось следствие. Попова рассказывает, что они шли по тропинке в лес – она впереди, а Яков немного сзади. Вышли на полянку, и – чпок! Она обернулась – у Якова из глаза стрела торчит. Кто стрелял и откуда, она не видела. Следов стрелка в кустах нет. Орудия преступления нет, других стрел нет. Провели экспертизу. И баллистики, и судебные медики в один голос говорят: могли стрелу из спортивного лука выпустить, а могли руками в глаз воткнуть. Прокурор, дружок Якова, хотел сгоряча закрыть Алису, но это же порожняк! Приехала она на дачу без стрелы, как уходили они в лес, все видели. Слов нет, такая здоровенная кобыла могла, конечно, мужику внезапно в глаз стрелу воткнуть, но зачем? Мотива нет. На этом все. Вторая часть окончена.

– Стрела была заводская или самодельная? – любопытствовал я.

– Стрелу изготовил, по всей видимости, лучник-профессионал. Наконечник у нее заточен так, что если стрела вой-

дет в тело, то вытащить ее обратно можно только вместе с мясом. Оперение самодельное, но это ни о чем не говорит. С близкой дистанции стрела будет лететь уверенно, без отклонений.

– Ерунда! – усомнился я. – Ты в детстве из лука стрелял? Помнится, играли мы в индейцев: дротики метали, из самодельных луков стреляли... Попасть человеку стрелой в глаз? Да на всю страну таких стрелков – не больше сотни найдется. Наверняка все спортсмены на виду. Скорее всего, дело было так: вышел Яков на полянку, к нему подошли убийцы и воткнули стрелу в глаз, а любовнице его сказали: «Слово лишнее ляпнешь – мы и тебе глазки такой же стрелой выколем, будешь до самой смерти вспоминать, как в зеркало смотрелась».

– Алису Попову «кололи» и так, и эдак, даже трое суток в ИВС продержали – все без толку. Она твердо стояла на своем: никого не видела, ничего не знаю!

– Значит, серьезные ребята им на поляне повстречались. Поповой сколько лет? Двадцать пять? Я бы на ее месте тоже зрение поберег.

– Третью часть рассказывать? – с коварной усмешкой спросил приятель.

– Еще и третья часть есть?! – воскликнул я. – Давай, конечно! Как я понимаю, после стрелы с белым оперением слухи об организации мстителей только укрепились?

– Слухи остались слухами, но в самом начале сентября у

нас произошло еще одно убийство. Потом, с интервалом через день, еще два. В первом случае орудием убийства была самодельная стрела с белым оперением. Во втором – стрела. В третьем – человеку голову гантелью проломили. Стали разбираться и выяснили, что все убитые когда-то ушли от ответственности перед законом. Ну, как, круто?

– Давай дальше, не отвлекайся!

– В первом случае мы быстро разобрались с механизмом убийства: потерпевшего сзади схватили за руки, обездвигили и воткнули стрелу в глаз. Стрела изготовлена из оконного штапика, перышки птичьи. Такой стрелой только в щит во дворе дома стрелять: летит она, куда бог пошлет, убойной силы – никакой. Второго потерпевшего прихлопнули стрелой из арматуры.

– Это как? – удивился я, представив летящий в цель рифленый металлический прут.

– Очень просто. Потерпевшего уложили на землю и вогнули ему длинную заточенную арматуру прямо в сердце. Как вампира колом пришили. Чтобы провести параллель со стрелой, на конец арматуры примотали изолентой белые перышки.

– А с третьим? Его же гантелью убили?

– В третьем случае никаких стрел не было. На трупе нашли записку, написанную печатными буквами: «Белая стрела». Вот тут-то слухи о тайной организации мстителей и обрели силу достоверной правды! Если со стрелами все как-

то мутно, натянуто, то против записки не попрешь! Убили подонка и подписались: «Белая стрела».

– В чем последнего потерпевшего обвиняли?

– Надругался над третьеклассницей. В лифте подкараулил, нажал кнопку «стоп»... Свидетелей нет, девчонка в шоке, толком ничего рассказать не может. Папаня у нее наш, мент. На момент убийства имеет крепкое алиби.

– А что с Василием? Его проверяли? – в задумчивости спросил я.

– Вася на момент убийства Якова был в глубоком запое. От греха подальше его из органов уволили, но не в этом суть! Понятно, что за свою семью убить обидчика – святое дело! Но зачем Василию убивать остальных троих, о которых он даже никогда раньше не слышал? Откуда бы он о них узнал? Одному человеку это не под силу.

– Веселые дела у вас творятся, ничего не скажешь!

– Не то слово! Второй месяц на казарменном положении живем, ждем, кого следующего прихлопнут. Никто не сомневается, что список в «Белой стреле» на последнем насильнике не заканчивается.

– Что народ говорит?

– Народ ликует! Всем бандитский беспредел надоел. Все понимают, что надо что-то делать, а что именно – никто не знает. Вы как после усиления прокурорского надзора себя чувствуете?

– Лишний раз боимся преступникам слово грубое сказать.

– Как прокуроры?

– Охотятся на нас. Чем им еще заниматься, не с преступностью же бороться.

– У нас – то же самое. Пассивность правоохранительной системы всегда порождает народное негодование. Вспомни, как появилась советская милиция? Рабочие Петрограда взяли в руки винтовки, примкнули трехгранные штыки и пошли патрулировать улицы города. Кого-то из бандитов они пристрелили, кого-то штыками закололи, и все – навели порядок! Очистили колыбель революции от преступного элемента. Сейчас бы вернуться в то славное время и отменить гуманизм, да только кто это делать будет? Вот и ликует народ, узнав об очередном убийстве. Даю тебе гарантию – ни один порядочный человек о «Белой стреле» не донесет. Соседи линчуют.

– У вас про военный переворот говорят?

– Все его ждут! Порядок же когда-то надо наводить. Как захватят вояки власть, так мы всех отморозков по городу отловим и на мосту через Обь вздернем.

Ночевал Петр у меня. Наутро, собираясь домой, он, как бы между делом, спросил:

– Андрюха, если бы тебе предложили вступить в «Белую стрелу», ты бы согласился?

– Нет. Если жизнь прижмет, я буду действовать один. Никаким организациям я не верю.

Глава 2

Взрыв в кафе

С первых дней Советской власти локомотивом развития Советского Союза был оборонно-промышленный комплекс, выпускавший самые современные виды вооружения. Население СССР снабжалось по остаточному принципу: все, что не шло на нужды армии и ВПК, трансформировалось в товары народного потребления. До перестройки такая модель экономического развития работала, но с наступлением эпохи гласности все пошло не так, как задумывали архитекторы нового мышления. Прозревший от разоблачительных газетно-журнальных публикаций народ возроптал: «Зачем нам тысячи танков и ракет, если в магазинах шаром покати? Мы хотим жить как в странах Запада. Хватит над нами экспериментировать, пора подумать о повышении уровня благосостояния трудящихся».

В правительстве решили, что доводить народ до отчаяния не стоит, и в ноябре 1986 года разрешили каждому советскому гражданину в свободное от основной работы время заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. На практике это означало легализацию частного извоза и репетиторства, другие виды экономической деятельности просто не вписывались в установленные правительством рамки. Эко-

номического эффекта предложенные новшества не принесли, и тогда правительство пошло дальше: в стране разрешили создание кооперативов по производству товаров народного потребления. Закон «О кооперации» был изначально мертворожденным, в нем запрещалось использование наемного труда и свободный сбыт произведенных товаров. Все, что ремесленник-кооператор сделал своими руками, он должен был реализовывать не на рынке, а через сеть государственных комиссионных магазинов. В мае 1988 года руководство СССР пришло к выводу, что с социализмом пора кончать, и населению разрешили создавать кооперативы для осуществления любой экономической деятельности, не запрещенной законом.

Для большинства советских граждан «кооперативное движение» было пустым звуком. Чтобы создать кооператив, требовался первоначальный капитал, а его-то у обычных тружеников не было. Как можно открыть авторемонтную мастерскую, если у тебя в карманах ветер гуляет? На какие шиши закупать запчасти и оборудование, если всех сбережений в семье едва хватит на покупку импортного домкрата?

Но были в стране люди, которые нашли необходимые средства и разумно распорядились ими. Одним из пионеров кооперативного движения в нашем городе был Евгений Викторович Ковалик, бывший инструктор Заводского райкома партии. Не выходя из КПСС, Ковалик уволился из райкома и организовал кооператив «Встреча». Первым его приобрете-

нием было пустующее здание областной конторы «Заготзерно», занимавшейся закупкой сельскохозяйственной продукции в совхозах и колхозах. С наступлением новых рыночных отношений селяне стали сами реализовывать свою продукцию, и необходимость в посреднической организации отпала. К сентябрю 1988 года сотрудников «Заготзерна» перевели в аппарат еще держащегося на плаву «Облпотребсоюза», а помещение конторы сдали в аренду кооператорам.

За месяц Ковалик изменил бывшую пыльную контору до неузнаваемости. На первом этаже он открыл небольшое уютное кафе, второй этаж отвел под видеосалон и кабинеты членов правления кооператива.

Кафе, названное «Встреча», было рассчитано на сорок четыре посадочных места. Условно его внутреннюю планировку можно было разделить на четыре зоны: холл с гардеробной, обеденный зал, бар и кухня с подсобными помещениями. В холле в течение рабочего дня дежурил гардеробщик, он же выполнял обязанности швейцара и при необходимости вышибалы. Обеденный зал в горизонтальной проекции был похож на плоскую электрическую батарейку «Планета» с отогнутыми усиками. Торцом «батарейка» примыкала к гардеробной, между ее усиками располагался бар. Всю центральную часть обеденного зала занимали поставленные в два ряда восемь четырехместных столов. В нишах-усиках, именуемых «кабинками», было по одному шестиместному столу. Места в них считались самыми престижными, и за-

нять их можно было только с личного разрешения Ковалика. Как правило, состоятельные гости заранее согласовывали с Евгением Викторовичем свой визит, и он резервировал для них левую нишу, а правую, часов до девяти вечера, занимал сам. В самый разгар веселья, когда до закрытия заведения оставалась пара часов, в кафе появлялись особо уважаемые посетители: бандиты, спекулянты или преуспевающие кооператоры. При их появлении Ковалик освобождал свою кабинку, перемещался в бар и уже оттуда контролировал обстановку в зале.

За крохотным баром располагалась кухня. Слева от барной стойки – спуск в полуподвальное помещение с туалетами, справа – лестница на второй этаж и вход на кухню.

Обслуживающий персонал кафе состоял из восемнадцати человек, работающих через день. Одна смена – девять человек: администратор, швейцар-гардеробщик, две официантки, бармен, два повара и двое кухонных рабочих. Директор по собственной инициативе работал каждый день, а бухгалтер – только в будни.

Цены в кафе были заоблачными, а меню однообразным: три вида салатов, мясная закуска и горячее – эскалоп в панировочных сухарях с жареным картофелем, украшенный тремя маслинками. Выбор спиртных напитков был ограничен коньяком и шампанским. С собой приносить спиртное было категорически запрещено. Ужин на двоих человек обходился в среднем рублей в двадцать. На эту сумму можно было

заказать по овощному салату, мясной нарезке из трех сортов тонко порезанной колбасы, горячее и двухсотграммовый графинчик коньяка на двоих. Шампанское, маслины в крохотной мисочке, кофе и мороженое для дамы могли взвинтить цену до полтинника. Естественно, при таких расценках ужин в кафе был доступен не каждому. Обычными посетителями здесь были торговцы всех мастей, базарные спекулянты, кооператоры, воры-карманники, рэкетеры, девицы легкого поведения и, как ни странно, работники советских и партийных органов. Заходили в кафе и случайные гости, решившие с шиком отметить семейное торжество или знаменательное событие.

В середине декабря 1988 года Ковалик распорядился празднично украсить кафе. В центре обеденного зала была установлена настоящая пушистая елка, на стенах развесили снежинки из фольги, елочные игрушки и блестящие нитки мишуры. Переодевать персонал в сказочных героев не стали – проведение во «Встрече» детских утренников не планировалось.

В пятницу 30 декабря, в самый канун наступающего Нового года, в левой кабинке за шестиместным столом встретились четверо мужчин. Каждого из них на входе в зал встречал лично директор заведения. После дружеского приветствия он провожал гостя к столу, интимно-заговорщицким тоном предлагая сделать заказ на напитки и блюда, которых не было в меню. По указанию Евгения Викторовича админи-

стратор кафе весь вечер не сводила с левой кабинки глаз и по первому требованию посетителей посылала к ним самую расторопную официантку. Встретившимися в кафе гостями были: заместитель председателя городского совета воинов-интернационалистов Демушкин Леонид Васильевич, самый известный в нашей области предприниматель-кооператор Шафиков Игорь Владимирович и мужчина по кличке Тихон, неформальный заместитель вора в законе Лучика. Всем им было около пятидесяти лет, дома их, за исключением Тихона, ждали жены и дети. Тихон, большую часть жизни проведший за решеткой, обзавестись семьей не мог по определению: летом следующего года его должны были короновать в воры в законе, а им иметь семью запрещено. Четвертым участником встречи был тридцатидвухлетний второй секретарь горкома ВЛКСМ Яковлев Артур Тарасович.

На входе в обеденный зал, за первым столиком с левой стороны, сели приехавшие с Демушкиным двое крепких парней с военной выправкой, место напротив них заняли два златозубых уголовника в спортивных костюмах «Адидас» — личная охрана Тихона. Подсаживать к ним посетителей администратор кафе не стала.

К восьми вечера в кафе уже не было свободных мест, незанятым оставался только стол в директорской кабинке. Публика в предпраздничный день собралась разношерстная. Вместе с привычным торгово-бандитским контингентом в зале сидели случайные посетители: две семейные пары пред-

пенсионного возраста и группка пугливых девушек-студенток. Семейные пары, расположившиеся напротив левой кабинки, отмечали юбилей совместной жизни супругов Моханько, а студентки пришли в кафе, движимые любопытством. Им было интересно посмотреть на людей, без дрожи в руках заказывающих свежесваренный кофе по два рубля за миниатюрную чашечку.

К девяти вечера приглушенный гул голосов и стук вилок по тарелкам сменились взрывами хохота и веселыми выкриками подвыпивших посетителей. В пять минут десятого один из охранников Тихона закурил, и тут же, как по команде, задымили за всеми столами. Небольшое помещение кафе быстро наполнилось слоями сизого дыма – вентиляция во «Встрече» работала отвратительно.

Примерно в половине десятого в зал вошел неизвестно как миновавший швейцара паренек лет тринадцати с тортиком в руках. Парнишка был без верхней одежды и головного убора. Весь наряд его составляли старенькие брюки и тонкий поношенный свитер. На некрасивом прыщавом лице подростка была прописана легкая степень дебильности – не совсем дурак, но в обычной школе учиться не сможет.

Посмотрев по сторонам, мальчишка беспрепятственно обошел елку и приблизился к левой кабинке.

– Это вам! – сказал он, протягивая торт мрачным мужчинам.

– Что за хрень ты приволок? – прорычал из дальнего угла

Тихон.

Ответа будущий вор в законе не услышал. Коробка в руках паренька с оглушительным грохотом взорвалась. Взрыв был такой силы, что ударной волной голову пацана сорвало с плеч и отбросило на стол к Моханько. Увидев перед собой окровавленное человеческое лицо с выбитыми глазами, Лилия Моханько дико завизжала и забилась в истерике. Муж Лилии Алексеевны, мужчина крепкий, бывалый, брезгливо смахнул голову со стола и посмотрел на выход из обеденного зала, но никого там не увидел.

Супругам Моханько повезло: стоявший к ним спиной слабоумный паренек, как живой щит, принял на себя весь поток осколков, летящих в обеденный зал. У мужчин в левой кабинке такого щита не было. Осколками самодельной бомбы их изрешетило так, что хлещущая из продырявленных тел кровь объединилась в одну огромную лужу под столом и поползла в зал.

Оперативным дежурным по городскому УВД 30 декабря заступил опытный и хладнокровный майор Потапчук. Узнав о взрыве в кафе, он направил к «Встрече» наряд вневедомственной охраны.

– До прибытия нашей следственно-оперативной группы никого из кафе не выпускать! – приказал по рации Потапчук. – Приедет «Скорая помощь», пускай в зале раненых перевязывает. Никто – ни живой, ни мертвый – покинуть кафе не должен!

Вслед за группой вневедомственной охраны дежурный направил к кафе экипаж ГАИ и два автомобиля ППС. Буквально через десять минут после взрыва вход в кафе был блокирован. Я, Геннадий Клементьев и начальник городского уголовного розыска Малышев – мы прибыли на место происшествия около половины одиннадцатого. Меня сопровождал Далайханов Айдар, Клементьев приехал с Сергеем Матвеевым.

Выйдя из служебных «Жигулей», мы с Айдаром остановились на крыльце «Встречи», закурили.

– Сколько народу полегло? – для проформы поинтересовались мы у милиционера, охранявшего вход в кафе.

– Четверых мужиков в кабинке насмерть осколками посекло, а пацана с бомбой на куски разорвало. Мой напарник сходил посмотреть, до сих пор отойти не может. Вон он, на углу, скрюченный стоит. Я ему говорил: «На кой черт тебе эти мертвяки сдались?» Нет, поперся! Сейчас до кровавой желчи блевать будет.

– Ну что, пошли? – спросил я у Далайханова.

Он отбросил сигарету в сугроб и первым вошел в здание.

Глава 3

По осколкам битого стекла

В гардеробной кафе толпился возмущенный народ. Посетители, отошедшие от шока, рвались домой, но на улицу их не выпускали. Я бегло осмотрел толпу – никого знакомых не заметил и пошел вперед.

В обеденном зале, у левой кабинки, спиной к нам стояли Малышев, Клементьев и двое судебных медиков. Посередине зала лежала поваленная новогодняя елка.

– Прикинь, Андрей, – негромко сказал за моей спиной Далайханов, – сидишь так с девушкой, шампанское пьешь, анекдоты ей рассказываешь, а тут как бабахнет – и на тебя елка падает. Вот развлечение, так развлечение! На всю жизнь запомнится.

– Красивые игрушки на елке были, – отметил я, показывая на парочку уцелевших при падении шаров.

Малышев, услышав мой голос, обернулся:

– Андрей Николаевич, иди сюда! Узнаешь клиента?

Хрустя битым стеклом, я подошел к начальнику, заглянул в глубь кабинки. В дальнем углу, откинувшись на стену, сидел мужчина в модном кожаном пиджаке. Лицо у него было залито запекшейся кровью, но руки, раскинутые в стороны, остались целыми. Я присмотрелся к его татуировкам. На ки-

сти левой руки было выколото восходящее солнце, под ним – надпись корявыми печатными буквами «Сибирь». На среднем пальце, прямо под буквой «б», вытатуирован перстень «Дорога через зону».

– Тихон, что ли? – с сомнением спросил я.

– Он, родимый, – покровительственно усмехнувшись, ответил Клементьев.

Геннадий Александрович уже почти год как не употреблял спиртного – закодировался. Лишенный возможности сделать хоть глоток водки, Клементьев озлобился на весь мир. В мрачном взгляде его прочно прописались ненависть к окружающим водкохлебам и жалость к самому себе, лишенному любимого напитка. Он стал похож на волка, переведенного директором зоопарка на вегетарианскую диету: минуту назад серый хищник сосредоточенно ходил по клетке из угла в угол, обдумывал свое житье-бытье и вдруг, ни с того ни с сего, оскалился и зарычал на зрителей.

– Я Тихона сразу узнал, – бравируя своей догадливостью, сказал Клементьев. – По роже-то не понять, кого завалили, а по рукам все видно. Руки у Тихона как паспорт: и прописка на них, и число ходок. Я, когда опером был, спрашивал его: «Тихон, «Восходящее солнце» – это символ отбытия наказания в сталинских лагерях. Ты же, говорю, в ГУЛАГе не был, БАМ не строил, на кой черт тебе такая допотопная наколка?» Он отвечает: «С детства «солнце» наколоть хотел. У всех знакомых отца такие наколки есть, вот и я решил: как

только за решетку попаду, сразу же «солнце» выколю». Прикинули, мужики? Он в двадцать лет уже планировал воровским авторитетом стать.

– Тихон в последнее время нигде не появлялся без охраны, – заметил я.

– Вон его быки лежат, – ответил Малышев, показывая на двух мужчин, распластанных лицом вниз у перевернутого стола.

– Они не ранены? – мне показалось, что охранники преступного авторитета лежат слишком уж неподвижно, словно две рыбины, оглушенные ударом о бортик лодки.

– Целехонькие! – ответил Малышев. – Я велел их в сторонку убрать, чтобы под ногами не путались.

– Николай Алексеевич, а чего здесь все битым стеклом усеяно? Взрывная волна, как я понимаю, дальше этих двух столиков в зал не прошла. Окна вроде бы целые, стекла на месте стоят.

– После взрыва паника началась. Народ со своих мест рванул, кто куда, посуда вся на пол полетела. Ты присмотрись, здесь не витражи валяются, а фужеры да тарелки.

– Личности потерпевших установили? – спросил я, кивая на покойников.

– Этого знаешь? – Малышев ткнул в ближайшего ко мне мертвеца.

– Конечно, знаю! – ответил я. – Это господин Шафиков, первый богач в городе. На прошлой неделе заходил к нам,

просил помочь с раскрытием кражи в его кооперативе. Портативную печатную машинку обещал подарить. Теперь от руки придется справки писать.

– Напротив Шафикова – Леня Демушкин, бывший афганец-десантник. Кто этот мужик возле Тихона, пока не знаем.

– Хорошую компанию себе выбрал Демушкин! – усмехнулся я. – Пойду, с быками поговорю.

В обеденный зал, хрустя осколками стекла, вошел прокурор области с двумя помощниками. За ними следом – наш генерал в сопровождении свиты. Начальник областного УВД был в гражданской одежде, на лице его замерло холодно-безразличное выражение. Мысленно он был далеко-далеко, прокручивал текст шифровки в Москву. Еще бы! Взрыв в кафе, пятеро убитых. На носу Новый год – кто раскрывать преступление будет? Нигде в Сибири бомбы не рвутся, а у нас такой гнусный почин! «Клубок» с четырьмя неизвестными – хуже не придумать.

Сочувствую я генералу Удальцову. Намылят ему холку московские боссы, так «поздравят» с наступающим Новым годом, что всю зиму икать будет. Я даже представил, как неведомый мне заместитель министра внутренних дел орет по телефону правительственной связи: «Что ты мне горбатого лепишь, генерал? Одного кого-то завалить хотели, а не всех четверых! Жертва убийцы – это один человек, а остальных троих прицепом зацепили. Ищи жертву, распутывай «клубок», а то отправим тебя в город Магадан директо-

ром рыболовецкого колхоза».

Встретившись глазами с прокурором области, я сухо кивнул ему в знак приветствия. Он не счел нужным ответить.

Обойдя стороной следователя прокуратуры, я подошел к мужикам в спортивных костюмах, легонько ткнул ногой одного из них.

– Вставай, поговорим, – сказал я.

Мужик, немногим старше меня, проворно вскочил. Мы сели за столик напротив директорской кабинки. К нам подошла бледная, еще не пришедшая в себя официантка.

– Кофе не желаете? – спросила она.

– По два рубля за чашку? – с вызовом спросил я.

– Молотый кофе по два рубля варить надо, – объяснила официантка. – Я вам могу по чашечке растворимого из кухни принести.

– Кофе – за счет заведения! – крикнул из своей кабинки Ковалик.

– Уважаемая, плесни в кофе коньяку, – вполголоса попросил уголовник. – Я потом зайду, расплачусь.

Официантка скрылась на кухне, мы с охранником покойного Тихона закурили.

– Кто такие? – спросил он, кивая на прокурора с помощниками.

– Друзья твои. Разве не узнал?

Мужик оскалил частокол золотых зубов.

– С такими друзьями – врагов не надо! Ты чего от меня

хочешь? Я ничего не видел. Мы с Коляном сидели у входа, за жизнь базар вели. Пришел пацан недоразвитый и – шмыг мимо нас, а потом как рванет! До сих пор звон в ушах стоит.

– С чего ты решил, что пацан был недоразвитый? – ответил я вопросом на вопрос.

– Худой, как спичка, недокормленный. Я его только со спины видел. Плюнь в позвоночник – пополам перешибет. Походка у него семенящая, как у шестерки в спецшколе¹.

– Зачем Тихон сюда приехал?

– Спроси у него, – усмехнулся уголовник. – Он меня в свои дела не посвящал.

– Скрытный господин, этот Тихон. Такого славного парня в неведении держал! Кстати, мы так и не познакомились. Как тебя зовут?

– Медвежонок, а как по паспорту, я уже не помню.

– Скажи мне, маленький медведь, если я тебя на пятнадцать суток закрою, ты не сильно осерчаешь?

– За что на пятнашку-то? – задал он риторический вопрос. – Я себя спокойно вел, никому не хамил, не грубил.

– С каким культурным и воспитанным человеком меня свела судьба! Подумать только, весь вечер пил спиртное и никому слова грубого не сказал. А кто пьяный буйствовал, кто стол перевернул? Кто матом всех подряд посылал, я, что

¹ «Спецшкола» – учебное заведение закрытого типа, в котором отбывают наказание малолетние преступники, совершившие уголовно наказуемое деяние в возрасте до четырнадцати лет (*прим. авторов*).

ли? Завтра утром к нам в управление приедут студенты юрфака, они за мою подпись на отчете по практике что угодно напишут.

– Эти могут, – согласился уголовник.

– Если у человека есть язык, то местечко в ИВС ему всегда найдется. А бывает труднее – тут по старинке не сработает. Расскажу тебе забавный случай. Нам как-то надо было одного клиента за мелкое хулиганство упечь, а он, представь себе, глухонемой! Ничего, нашли выход из положения: указали в рапорте, что он демонстративно плевался на пол в райотделе.

– Меня на суд повезут или заочно окрестят?

– Заочно, чего зря бензин жечь. Сегодня у нас в клетке переночуешь, а завтра – на нары! Не хочешь на вопросы отвечать, так посиди, молодость вспомни.

Из кухни вышла официантка, поставила перед нами две чашки дымящегося кофе. В свите прокурора области ее заметили, стали перешептываться, указывая на нас.

– Не отберут? – пошутил уголовник.

– Если успеешь отпить, оставят, – совершенно серьезным тоном ответил я.

Мой собеседник, обжигаясь, сделал два больших глотка, отер рот рукой.

– За столом, у которого Колян лежит, – тихо сказал он, – сидели две местные шмары. Сегодня у них был не рыбный день, никто не снял. От нечего делать они зал пасли. Пого-

вори с ними, у девок язык не пришпилен, они в базарах свободны, а я, сам понимаешь, весь в путах, как в кандалах. На пятнашку загонишь – не в обиде буду: у вас – своя работа, у нас – своя.

Я жестом подозвал Айдара, наблюдавшего за нами от дальней стены.

– Расскажи моему напарнику, как шмары выглядят, – велел я.

Уголовник, отхлебывая кофе, объяснил.

– Иди в холл, – вполголоса сказал я Далайханову, – вычислишь девок, отдели их от толпы и приведи сюда.

Он кивнул и пошел в гардеробную. Я попробовал свой кофе. Коньяка в нем не ощущалось, а вот у уголовного лицо порозовело. Горячий напиток пошел ему на пользу.

– Иди, ложись на место, – распорядился я. – Коляна ко мне пошли.

Второй уголовник внешне был похож на первого, как две капли воды. На вопросы он отвечал так же неохотно, обдумывая каждое слово.

– Вас за Тихона круто взгреют? – проявляя отеческую заботу, спросил я.

– Если живы останемся, я в церкви свечку поставлю, – мрачно пробурчал он.

– Как вы пацана проворонили? Ничего не пойму. Видно же, что он приبلудный, да еще с тортиком в руках. Я бы на вашем месте тормознул его на входе.

– Он с виду – фигура не опасная. Я когда ему вслед посмотрел, подумал: чей-то сын с улицы вернулся.

– Пацан сразу же к Тихону пошел, ничего не высматривал?

– Как по просеке пронесся. Елку обогнул слева – и к ним. Тут бабахнуло так, что пыль с потолка посыпалась. Дай кофе хлебнуть, – по-приятельски попросил он.

– Скучен рассказ твой, – я пододвинул полупустую чашку к уголовнику. – Пей, будет что вспомнить в Новый год.

– На пятнашку подписать хочешь? – насторожился Колян. Я ничего не стал ему объяснять и отправил назад, к опрокинутому столу, а к себе позвал одного из мужчин с военной выправкой. Сев напротив меня, мужик процедил сквозь зубы:

– Гниды они, давить их надо, а ты с ними кофе пьешь, сигареты куришь.

– Не только они гниды в этом зале, – философски возразил я.

Айдар ввел в зал двух одетых в пуховики девушек. Я кивнул на хозяйский закуток. Больше сажать их было негде. Народ у кабинки с покойниками дружно повернулся в нашу сторону, проследил, как девушки идут по залу, и вернулся к осмотру трупов.

– Вы кого охраняли? – напрямую спросил я бывшего афганца.

– Никого. Мы с товарищем зашли в кафе перекусить, вы-

пить по рюмке, а тут такие дела!

Я подозвал официантку.

– Что они заказывали? – спросил я, показав на собеседника.

– Два кофе и по стакану минеральной воды, – сверившись с записями в блокнотике, ответила девушка.

Заметив мой неприметный знак, к нам подошел Далайханов.

– Айдар, узнай: опознали четвертого покойника?

Хрустя битым стеклом, он сходил к Малышеву, переговорил с ним и вернулся назад.

– Четвертый погибший – из горкома ВЛКСМ.

– Вы комсомольца охраняли или своего, афганца? – спросил я у помрачневшего собеседника.

– Мы покушать зашли, – по непонятной пока причине он решил стоять до конца.

Я пожал плечами: «Дело ваше!» и велел ему ждать своей дальнейшей участи.

– Прошу вас! – позвал я девушку из директорского кабинета.

Ко мне подошла долговязая, худая, вся какая-то угловатая, нескладная девица лет двадцати. К ее небольшому округлому личику и вытянутой фигуре гармонично подошли бы длинные распущенные волосы ниже плеч, но девушка шла по жизни своим путем. Из множества женских причесок она выбрала укороченное каре, что оптически отделяло ее

голову от остального туловища.

«Богомол какой-то сушеный, а не чувиха», – подумал я, рассматривая свидетельницу.

Свитер болтается на ней, как на вешалке, джинсы сзади висят. Пародия какая-то на девицу легкого поведения. С нее можно агитационный плакат писать: «Девушки, не ходите в проститутки – такими же станете!» Я бы на нее никогда не позарился, а ведь кто-то за ее «любовь» деньги платит.

Девушка села ко мне боком. Левый рукав ее свитера был не проглажен. Как в таком виде можно на работу ходить? Куда директор этого балагана смотрит?

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Маша.

– А вторую как зовут?

– Даша.

– Маша и Даша, очень хорошо! – похвалил я. – Маша, ты видишь толпу возле трупов? Много людей, правда? Сейчас им надоест мертвецов рассматривать, и они разъедутся по домам, а здесь останемся только мы, менты. Тогда, Машенька, мы с тобой прогуляемся в подвал, к туалетам. Жизненный опыт подсказывает мне, что там должна быть каморка, где техничка хранит свои ведра и тряпки. Там же должен быть резиновый шланг, которым она воду из умывальника в ведра наливает. Ты видела, как технички воду набирают? Молодец! Так вот, Маша, ответь мне: если я этим шлангом тебе по мягкому месту пару раз от души врежу, у тебя имя

поменяется?

– Меня правда Маша зовут, – испуганно ответила она.

– А напарницу?

– Люба, – девушка виновато посмотрела в сторону директорской кабинки. В ее взгляде читалось: «Извини, подруга! Так получилось».

– Маша, признайся, почему у тебя рукав такой помятый? Ты что, не следишь за собой?

– Не успела погладить, – тихо соврала она.

Хозяйской походкой человека, привыкшего повелевать, к нам подошел прокурор Центрального района Владимир Окопов. Из-за болезни почек лицо у него было нездорового желтоватого оттенка. За глаза Окопова звали «Живой Труп».

– Кто это? – хамским тоном спросил прокурор.

– Свидетельница, – ответил я, не вставая с места. – Она сидела в дальнем углу и ничего не видела.

– Если она ничего не видела, зачем зря на нее время теряешь? Я за тобой уже минут пять наблюдаю. Сидишь, улыбочки ей даришь. Договариваешься, что ли?

– Хорошо, – не вступая в пререкания, согласился я. – Сейчас переключусь на других свидетелей.

– С самого начала бы так! – с нескрываемым презрением бросил прокурор. – Расселся, бездельник. Пока носом не ткнешь, никто работать не хочет.

Он развернулся на каблуках и пошел докладывать прокурору области, что провел мероприятия по активизации рас-

крытия преступления.

– Кто этот говнюк? – не поднимая головы, спросила Маша.

– Прокурор Центрального района. Кафе «Встреча» находится на его территории.

С шумом и руганью в обеденный зал ввалилась толпа оперативников из областного УВД. Первым делом они прошли вокруг поваленной елки, посмеялись над чем-то и рассосались по залу.

Я подозвал Айдара:

– Забирай девчонок и вези к нам в управление, здесь нам поговорить не дадут. Машину за мной не присылай, я назад с Малышевым вернусь.

– Андрей, Клементьев тоже уехал, швейцара с собой забрал. Если я отчаю, тут из городского управления никого не останется.

– Областники пускай работают. «Клубки» – это их специализация, а мы так, на подхвате.

– Вы надолго хотите нас забрать? – испугалась Маша. – У нас в общежитии в половине двенадцатого двери закроют, и мы домой не попадем.

– Ты в студенческом общежитии живешь? – догадался я. – Где учишься?

– В институте культуры, на третьем курсе.

Мы с Айдаром засмеялись.

– Что я смешного сказала? – обиделась девушка.

– Абсолютно ничего, – ответил я. – Мы, Маша, развесе-

лились по другому поводу. Могли бы сами догадаться, в каком институте девушек учат состоятельным дяденькам досуг скрашивать. Айдар, уезжайте прямо сейчас, а то Живой Труп опять в нашу сторону смотрит.

Отправив Далайханова с девушками в управление, я подсел к хозяину кафе. Удивительно, но за полтора часа моего пребывания во «Встрече» к нему не подошел ни один человек. Следователи, прокуроры, оперативные работники – все, словно сговорившись, игнорировали его.

– Нам надо поговорить, – сказал я Ковалику. – Здесь, пока прокурорская пена не схлынет, разговор не получится. У вас есть отдельный кабинет, где мы могли бы потолковать с глазу на глаз?

– Конечно, есть, – оживился заскучавший Евгений Викторович. – Пойдемте наверх.

– Ключи у вас с собой? – уточнил я.

Ковалик с готовностью похлопал себя по карману.

– Тогда пошли.

Глава 4

Елку – на место!

На втором этаже, из-за дверей напротив директорского кабинета, гнусавый голос переводчика предупредил неведомого врага: «Когда мы встретимся еще раз, я убью тебя, мерзавец!»

– Видеосалон, – прокомментировал Ковалик. – Последний фильм досматривают.

– Внизу взрыв, а здесь, как ни в чем не бывало, иностранные боевики крутят? – подивился я.

– Вход в видеосалон отдельный, звукоизоляция между этажами хорошая, так почему народ должен страдать? Зрители приобрели билеты заранее, они имеют полное право воспользоваться услугами, которые оплатили.

Я пожал плечам: «Цинично, конечно, смотреть киношные убийства, когда у тебя под ногами пять настоящих трупов. С другой стороны: пришел я с девушкой фильм посмотреть, и что, мне из-за чужих разборок пять рублей терять?»

Кабинет Ковалика был небольшой, обставленный в аскетичном стиле – ничего лишнего. Единственным предметом, выбивавшимся из общего канцелярского интерьера, был массивный сейф в углу комнаты. Над верхней дверцей сейфа поблескивала табличка завода-изготовителя «Крас-

ный металлист». Такого добротного хранилища для документов я в милиции не встречал даже у руководителей областного УВД.

«От прежних хозяев остался, – решил я. – Интересно, что в нем заготовители зерна хранили? Договоры с крестьянами?»

– С чего начнем? – спросил Евгений Викторович, усаживаясь в директорское кресло.

Я сел напротив, достал сигареты, пододвинул к себе массивную стеклянную пепельницу, закурил. Ковалик последовал моему примеру.

На вид хозяину «Встречи» я бы дал лет пятьдесят. Внешне он был похож на отца американской психоделической музыки Ли Хезлвуда, автора популярнейшего шлягера «Летнее вино». Как и Хезлвуд, Ковалик носил усы, опускающиеся за уголки губ, и так же хитро прищуривался. Но у американца в глазах навечно застыла вселенская тоска по ушедшей молодости, а Евгений Викторович был на позитиве. Даже погром, устроенный в кафе после взрыва, не поверг его в уныние. Приятно иметь дело с оптимистом. Но к оптимистам нужен особый подход.

– Выложите на стол все предметы, которые у вас есть в карманах, – приказал я.

– Вы это серьезно? – от удивления густые брови хозяина выгнулись дугой, сомкнулись над переносицей, образовав силуэт летящей над морем чайки.

– Вполне. Я расследую особо опасное преступление и должен знать, с кем имею дело.

– Неужели вы думаете, что я настолько тупой человек, что не успел бы за целый вечер избавиться от кнопки управления бомбой?

Продолжая возмущаться, Ковалик выложил передо мной блокнот, металлическую авторучку, носовой платок, портмоне и сигареты «Космос» в твердой пачке. Кошелек у пресупевающего кооператора был тощим. Больших сумм с собой Евгений Викторович не носил.

– Авторучку разобрать? – ехидно спросил он.

– Почему вы решили, что я буду искать пульт от бомбы?

– Я же не в лесу живу: детективы читаю, фильмы американские смотрю. Бомба, которая взорвалась у пацана в руках, была радиоуправляемой. Я даже теоретически не могу представить, что в ней был часовой механизм. С точностью до секунды рассчитать момент взрыва просто нереально.

– Согласен. Бомбу привел в действие человек, который находился в обеденном зале или в фойе. Скажу больше: этот человек должен был видеть, что пацан подошел к жертвам, а не остановился на полдороге. В момент взрыва вы были в баре, и я хотел убедиться, что это не вы привели в действие взрывное устройство.

– Спасибо за доверие, – Ковалик разложил предметы со стола по карманам. – Вы не пробовали поискать пульт от бомбы на полу в зале?

– Пускай его следователь прокуратуры ищет.

– Странная у вас методика расследования преступлений.

Я всегда думал, что расследование уголовного дела начинается с осмотра места происшествия, а вы мне личный обыск учиняете. Скажите, это законно – проводить личный обыск без понятых?

– Какой личный обыск, вы о чем? – делано изумился я. – Я не прикасался к вашей одежде. История с участковым Зверевым всех научила, что можно делать, а что – нет.

– Не интригуйте меня, – попросил Ковалик, – рассказывайте про Зверева. Люблю послушать поучительные истории.

– Участковый Зверев занимался розыском алиментщика. Он пришел на квартиру, где предположительно скрывался преступник, услышал шорох в одежном шкафу и раскрыл дверцу. Шкаф был пустой, никто в нем не прятался. Хозяева квартиры написали на Зверева заявление, прокурор возбудил уголовное дело. Полгода назад Звереву за производство незаконного обыска дали три года лишения свободы. Три года зоны строгого режима только за то, что он выполнял свой служебный долг.

– Неужели за это могут осудить? – смутился кооператор. По моему тону он понял, что я целиком и полностью на стороне участкового, а вот он, Ковалик, не к месту заикнулся о законности моих действий.

– По нынешним временам все могут. Еще пару лет назад с

хозяевами квартиры никто бы разговаривать не стал, а сейчас их на пороге прокуратуры с хлебом-солью встречали.

– Вы никак не отомстили за своего товарища?

Вопрос был явно провокационный. В другой обстановке я бы уловил в нем намек на «Белую стрелу», но сейчас Ковалик задал его автоматически, не подумав.

– Хозяева квартиры – конченные алкаши, сопьются – сами сдохнут. Алиментщик к этой истории отношения не имеет, он прятался совсем в другом месте, заявления никого писать не подбивал. Если кому-то мстить за Зверева, то прокурору. Он, кстати, сегодня был в вашем кафе, указания мне давал. Вы с ним не знакомы?

– С Окоповым? Знаком. Я с кем только не знаком, – усмехнулся в усы Ковалик. – Как только мы открыли кафе, так число моих знакомых тут же увеличилось в геометрической прогрессии. Халява! Каждый норовит прийти, выпить-закусить за мой счет. Если пообедать задарма не удастся, так рюмку коньяка или чашку кофе обязательно выклянчат.

– Поговорим о друзьях. Кто сегодня вечером ужинал в вашей кабинке?

– Мой старинный приятель. Он к взрыву никакого отношения не имеет.

– Откуда у вас такая уверенность? Нажать на кнопку мог любой из гостей.

– Так уж и любой, – поморщился хозяин.

– Отчего бы нет? Сегодня вечером вы очень внимательно наблюдали, как я беседую с долговязой девицей по имени Маша. Как вам она на роль убийцы?

Обдумывая ответ, Ковалик достал из кармана пиджака сигареты, закурил. Я внимательно наблюдал за его действиями.

«Чего он медлит? Не хочет вдаваться в сущность своих отношений с девушкой-богомолом или прикидывает, как ему отвести подозрения от своих гостей в правой кабинке?»

– Для убийства надо иметь мотив, – как бы раздумывая над моим вопросом, ответил Ковалик.

– Мотив? Нет ничего проще. Предположим, девушку по имени Маша в детстве изнасиловал Демушкин. Она выросла, нашла на улице бомбу и решила поквитаться с обидчиком. Логично? Или вас не устраивает личность насильника?

– Каких размеров должен быть пульт от бомбы? – Судя по изменившемуся тону, Евгений Викторович решил, что лучший способ обороны – это нападение.

– Я думаю, что радиоустройство с кнопкой от бомбы должно быть с пачку сигарет.

– Ивлева Маша, которую вы записали в мои знакомые, сегодня была одета в джинсы и облегающий свитер. Ей негде спрятать пульт от бомбы.

– А дамская сумочка? – контратаковал я.

– Один-один! – засмеялся директор кафе. – Про сумочку я не подумал.

– Поговорим о ваших друзьях в правой кабинке, – вновь

предложил я.

– Сегодня у меня в гостях был Штанов Александр, директор пятой овощной базы. Я знаком с ним с институтских времен. Штанов отмечал удачное окончание года: его овощная база перевыполнила план по поставкам плодоовощной продукции населению. С ним за одним столом сидели его жена, подруга жены и несовершеннолетняя дочь Штанова.

– Компания с виду безобидная, – согласился я. – Штанов по роду своей деятельности не пересекался с Шафиковым?

– Шафиков – частник, а мой приятель – работник государственной организации. Но не это главное. Шафиков занимается выпуском металлопродукции, а Александр – пищевик. У них разные сферы хозяйственной деятельности.

– Если не секрет, а чем вы занимались в райкоме партии? Евгений Викторович широко, по-дружески улыбнулся.

– В райкоме КПСС я курировал вопросы общественного питания.

Негромко постучавшись, в кабинет вошел длинноволосый парень лет двадцати пяти. Осторожно и нежно, как любимое дитя, он прижимал к груди японский видеомэгнитофон «Сони».

– Мы закончили, Евгений Викторович, – извиняющимся тоном доложил он.

Ковалик встал с места, прошел к сейфу.

– Я оставляю себе двадцатку до завтра? – тихо попросил парень.

– Оставляй, – недовольно прошипел Ковалик.

Спрятав видеомagniтофон в сейф, директор кафе вернулся на место. Длинноволосый администратор видеосалона, не попрощавшись, вышел из кабинета, неслышно прикрыв за собой дверь.

– Самое ценное оборудование в моем заведении – этот видеомagniтофон, – пояснил Ковалик. – Каждый вечер приходится его в сейф запирать, на ночь в видеозале оставлять боимся. Если воры полезут в кафе, то только за ним.

– Время позднее, – сказал я, посмотрев на часы. – Давайте больше не будем отвлекаться на гостей в обеденном зале и от правой кабинки перейдем к левой.

– Левый шестиместный стол еще в понедельник заказал Шафиков. Я спросил его: «Ты как, с бабами приедешь или с друзьями?» Он ответил, что планирует провести деловую встречу. У меня частенько встречаются серьезные люди. В отличие от любого ресторана, публика в нашем кафе на порядок спокойнее и воспитаннее, случайные люди у нас редкость, персонал не любопытный. Первым сегодня приехал Шафиков. На мой взгляд, он был чем-то встревожен, но я не стал расспрашивать его, что к чему, усадил за стол, велел официантке принять заказ. Минут через десять после него появился Тихон с охранниками, за ними следом – Демушкин и Яковлев.

– Афганцы кого из них охраняли? – сразу же уточнил я.

– Демушкина, конечно. Кто будет Яковлева охранять? Ко-

му он нужен? Я его еще по работе в райкоме знаю: так себе человечиска, сам по себе ничего не представляет.

– Как гости сидели за столом?

[illegible]

– Как парень мог войти в кафе? – задал я самый главный вопрос.

Ковалик тяжело вздохнул:

– Не знаю. Швейцару категорически запрещено без моего личного разрешения открывать двери после девяти вечера. Ни за деньги, ни по блату, ни пописать, ни позвонить – никому и никак. Я весь вечер голову ломаю, что могло такого произойти, что Самошкин впустил пацана, и не могу найти никакого объяснения. Как бы ни сложились обстоятельства, завтра я его уволю. Мне такие работники не нужны.

— Я видел вашего швейцара только мельком. Кто он, откуда?

– Самошкин Сергей, тридцать лет, кандидат в мастера

спорта по боксу, бывший десантник, служил прапорщиком в Афганистане. До меня работал тренером в спортобществе «Локомотив», детишек тренировал. Холост, живет с матерью. Больше я о нем ничего не знаю.

– Если он служил в Афганистане, то должен был знать Демушкина.

– Ничего подобного! «Союз ветеранов Афганистана» – это не комсомол, членство в нем не обязательно: хочешь – регистрируйся, хочешь – нет. Вы моих официанток видели? Красавицы-спортсменки-комсомолки, но это же не значит, что они должны лично знать Яковлева или любого из секретарей райкомов ВЛКСМ. И Яковлев всех комсомольцев в городе знать не обязан. Активистов, кто возле него крутится, он знает, остальных – нет.

– Кстати, забавный вопрос, – повеселел я. – Ваши официантки кому комсомольские взносы платят?

– Никому. Они же не дурочки – деньгами разбрасываться. Это раньше в каждой забегаловке своя комсомольская ячейка была, а сейчас бардак наступил. Если называть вещи своими именами, то комсомол за последний год так опустился, что проще новую организацию создать, чем пытаться его реанимировать.

От директора кафе я вернулся в обеденный зал, а Ковалик остался подсчитывать полученные с видеосалона барыши. Учет и контроль! Еще дедушка Ленин говорил: «В деньгах братьев нет! Никому не доверяй. Получил выручку – не по-

ленись, пересчитай, проверь, не прикарманил ли твой кровный рублик администратор видеосалона».

За время моей отлучки народу на первом этаже убавилось на порядок – милицейское начальство, прокуроры и судебные медики уехали, оставив трудиться на месте происшествия дежурных следователей и оперативных работников.

Я поискал Малышева, но не нашел. Он уехал, бросив меня на произвол судьбы! Так всегда бывает: заработаешься, углубишься в расследование дела – глядь по сторонам, а все уже умчались, справки о проделанной работе писать.

«Оно, наверное, к лучшему, – подумал я. – Займусь-ка я проверкой одной интересной версии».

У входа в обеденный зал, за столиком, за которым до взрыва сидели уголовники, сейчас расположились трое мужчин с красными повязками на руках. Дружинники. Их специально привезли в кафе поучаствовать в осмотре места происшествия в качестве понятых. Дружинники – люди подневольные. Прикажут – будут до утра сидеть, ждать своей очереди, чтобы поставить подпись под протоколом осмотра.

– Товарищи дружинники, – громко, на весь зал сказал я, – подойдите ко мне!

Следователь прокуратуры отвлекся от писанины, с недоумением посмотрел на меня, но возражать не стал.

– Товарищи, ставим елку на место! – распорядился я.

– Новый год справлять будем? – хохотнул один из мужиков.

Я отошел к бару, по осколкам стекла на полу прикинул, встала елка на прежнее место или нет.

– Может быть, под елочку по сто грамм пропустим? – предложил один из понятых.

– Я тебе выпью! – пресек на корню дурные намерения следователь. – Андрей Николаевич, ты с елкой закончил? Товарищи понятые, идите на место и ждите, когда вы мне понадобиться.

Довольный проделанной работой, я обошел вокруг елки, остановился напротив бара и, привлекая к себе внимание, громко хлопнул в ладоши:

– Так-с! Кто у нас есть живой из работников кафе?

Из-за барной стойки поднялся дремавший на стуле бармен, из кухни выглянула официантка, подававшая нам кофе.

– Андрей Анатольевич, мы немного поработаем? – спросил я у следователя.

Он махнул рукой: «Делай, что хочешь, только не мешай мне».

Я подозвал официантку:

– Постарайся вспомнить, как пацан с бомбой шел по залу?

– Я не видела его, – устало ответила официантка. – Я у компании девушек стояла, когда за спиной грохнуло. Показать, где я была?

Она отошла в угол зала, встала у перевернутого стола.

– А где Маша Ивлева сидела?

Официантка, не сходя с места, показала на столик рядом.

Я шагнул к нему, осмотрел зал с новой точки. Вход в левую кабинку девушке-богомолу был не виден, его загораживала елка.

Я вернулся к официантке:

– Что-то ты бледно выглядишь, красавица. Выпей рюмку коньяка, расслабься, а то тебя весь вечер потряхивает, как будто нового взрыва ждешь.

– Знаете, как страшно было, – срывающимся голосом ответила она. – Особенно когда все в зале завизжали и стали метаться. Паника, ничего не понять, из левой кабинки дым пошел. Потом за тем столиком, на который голова упала, стала истошно вопить женщина. Она кричала, не переставая, словно ее живую на куски резали. Жуть! Вы не знаете, когда нас отпустят?

– К утру, не раньше.

Я вновь обошел елку и вернулся к бару.

– Как шел пацан? – спросил я у бармена.

– Клянусь, – он приложил руку к груди, – я его увидел уже вот тут, в двух метрах от меня. Я был вот здесь, с левой стороны, а Евгений Викторович сидел справа. На пацана я обратил внимание, когда он уже подошел к кабинке. Секунда-другая – и взрыв!

Я встал на место, которое указал бармен. С его позиции просматривался весь зал, кроме пары столиков, скрытых елкой.

– Если бы стена между баром и кабиной была декоратив-

ной, тебя бы насмерть посекло осколками. Стена приняла на себя удар. Тебя не оглушило?

– До сих пор в ушах звенит, – признался бармен.

– Как официантку зовут? – спросил я у бармена. – Таня? Таня, иди сюда! Дружище, налей-ка нам с Таней по рюмочке коньяка! Ей надо стресс снять, а мне взбодриться.

– Оплачивать кто будет? – вежливо осведомился бармен.

– Евгений Викторович, кто же еще. Ты наливай, об оплате не беспокойся, я с ним уже обо всем договорился.

Заметив суету у бара, в дело вмешался следователь.

– Андрей Николаевич, не вздумай спаивать свидетелей! – предостерег он.

Как специально, в момент разлива коньяка в зал спустился Ковалик. Он подошел к нам, жестом велел налить и ему. Следователь против рюмки коньяка для директора кафе возражать не стал.

– Я думал, вы уже ушли, – выпив коньяк, сказал Ковалик.

– Коллеги бросили меня, теперь придется до управления на своих двоих добираться.

Директор не поверил ни единому моему слову. Он понял, что я остался для реконструкции событий. Иначе для чего елку ставить назад?

Оставив директора возле бара, я вышел в гардеробную. Входные двери в кафе были заперты на швабру, просунутую сквозь дверные ручки. Просто и надежно, не надо с замком возиться и никакой пьяный с улицы двери не взломает.

В гардеробной над зеркалами напротив стойки с вешалками, словно издевательство над испорченным вечером, висел плакат: «Счастья и удачи в новом, 1989 году!». Хорошенький Новый год у кого-то получился. Мне-то что, я на работе, а вот тем, кто пришел в кафе выпить и повеселиться, вот им не позавидуешь.

Я осмотрел в гардеробной стойки с вешалками, закуток у стены, где в свободные минуты отдыхал швейцар, перевернул на пол корзину с мусором, но никаких признаков того, что пацан весь вечер просидел, спрятавшись за пальто и шубами, не нашел.

«Не мог мальчишка несколько часов неподвижно просидеть в этом закутке, – решил я. – Он бы к вечеру в туалет захотел, а единственный выход, чтобы не вести его через весь зал, – дать ему помочиться в бутылочку. Ни бутылочки, ни баночки в гардеробной нет. Верхней одежды пацана тоже нет. Наверное, швейцар действительно впустил его с улицы».

– Я домой поехал, – заглянул в гардеробную Ковалик. – Вас подвезти?

– Конечно! – обрадовался я. – Вам мимо городского управления будет удобно проехать?

Глава 5

Ночные гости

Городской отдел уголовного розыска занимает половину четвертого этажа здания на улице Трудовая, 44. На другой половине располагаются вспомогательные службы городского УВД. На территории уголовного розыска десять кабинетов: один, начальника, одноместный, два двухместных и пять кабинетов, рассчитанных на четыре человека. По традиции заместители начальника ОУР сидели в одном кабинете, второй двухместный кабинет занимали самые опытные оперативники, как правило, заслуженные ветераны сыска предпенсионного возраста. Выполняя во многом сходные функции, следователи и оперуполномоченные уголовного розыска всегда находились в неравных условиях: всем следователям полагались двухместные кабинеты, а операм – только четырехместные. Такое вопиющее неравенство объяснялось просто: милицейское руководство считало, что оперу незачем целыми днями сидеть в душном помещении, опер должен работать на свежем воздухе: отрабатывать сигналы о происшествиях, встречаться с агентурой, сидеть в засаде. Следователь, как ни крути, кабинетный работник, а опер – уличный. Его, как волка, ноги должны кормить. По мнению руководства, опер должен появляться в своем кабинете толь-

ко изредка: утром присутствовать на разводе, вечером – писать справки о проделанной работе. А если человека целый день нет на рабочем месте, то зачем ему просторный кабинет?

Заняв кресло начальника городского уголовного розыска, Малышев стал формировать свою команду. Мне он предложил занять место своего заместителя. Перебравшись в городское управление, я в первый месяц соседствовал с другим заместителем Малышева – подполковником Арбузовым, грузным меланхоличным мужчиной, ежедневно подсчитывающим дни до пенсии. На место Арбузова приказом начальника областного УВД был назначен Геннадий Клементьев. Ни Клементьев, ни я в одном кабинете сидеть категорически не желали, и Малышеву пришлось нарушить годами сложившуюся традицию и рассадить своих заместителей по разным углам.

Немного освоившись на новом месте работы, я перетянул к себе на должность старшего опера Далайханова Айдара, с которым почти пять лет бок о бок отработал в Кировском РОВД. Далайханов, которому я привык доверять, как самому себе, стал моим соседом по кабинету.

В последний день уходящего года я добрался до управления только в четвертом часу утра. В моем кабинете царила идиллия: Айдар, откинувшись в кресле, дремал за моим столом, а за его столом, уткнув головы в столешницу, кемарили две девицы из кафе.

– С добрым утром! – поприветствовал я сонное царство. – Девчонки, подъем, работать будем!

Девушки очнулись, стали растирать ладошками заспанные лица. Я согнал Айдара с моего кресла, достал сигареты, закурил.

– Гражданки Маша и Люба! – строгим официальным тоном сказал я. – Содержимое дамских сумочек и карманов – на стол! И еще: не делайте так, чтобы у меня появился соблазн поискать запрещенные предметы в запрещенном месте.

Ночные гости безропотно вывалили содержимое сумочек на стол, вывернули карманы. Ничего интересного они при себе не имели.

– Я схожу, наберу воды, – Айдар взял чайник, в дверях заговорщицки подмигнул мне.

Я чуть не остановил его гневным окриком. Хитрое подмигивание означало, что он с девицами весь вечер баклуши бил, разговоры за жизнь вел, а мне, своему начальнику, предоставил почетное право вправлять ночным гостям мозги. Все стараются в конце года переложить свою работу на других: мой начальник оставляет меня одного на месте прощешствия, а мой ближайший соратник сваливает на меня самую неблагодарную работу. Ладно, не привыкать.

– Слушайте меня внимательно, – обратился я к свидетельницам. – Сегодня предпраздничный день. Наверняка вы уже приготовились хорошо и весело встретить Новый год, и я бы

не советовал вам менять бокал пузырящегося шампанского на жесткие нары изолятора временного содержания.

Маша-богомол открыла рот, чтобы выразить свой протест, но я жестом велел ей молчать.

– Маша и Люба! Я предлагаю вам в оставшееся до утра время поработать в продуктивном режиме: я задаю вопросы, вы отвечаете. Если я сочту, что вы мне врете или что-то утаиваете, то вы обе из моего кабинета поедете в ИВС отбывать пятнадцать суток административного ареста. Важное дополнение: любое вранье будет наказано через коллектив – врет один, наказываются все.

– За что нас в ИВС? – обиженно надув губки, спросила Люба.

Я улыбнулся девушке. Судя по ее реакции, в связке Маша – Люба она была слабым звеном и должна была первой пойти на контакт. Внешне Люба выглядела полной противоположностью долговязой подруге. Крашеная блондинка, невысокого роста, широкобедрая, с внушительным бюстом. На таких полногрудых сочных девиц очень падки мужчины южных национальностей.

– За что в ИВС? – переспросил я. – Вы обе матерились в кафе, и тому есть свидетели.

– Мы? Матерились?! – в негодовании девушки привстали с мест.

– Сидеть! – рявкнул я. – Сегодня утром к нам в управление придет с десятков дружинников. Под мою диктовку они

напишут заявления, что лично слышали, как вы матом посылали пытавшихся облагородить вас сотрудников милиции. Этими сотрудниками будем я и Айдар Кайратович.

Я прислушался. В коридоре раздавались шаги возвращающегося с чайником Айдара.

– Сейчас вернется мой напарник, спросите у него, реально вам сегодня заехать в ИВС или нет?

– Ничего мы спрашивать не будем, – за двоих ответила Маша. – Задавайте вопросы.

– Ну что же, начнем! Что вы делали в кафе: покушать зашли или познакомиться с интересными мужчинами?

– Познакомиться, – тоном уличенной грешницы выдохнула Маша.

Люба в знак согласия молча покивала головой.

– Нет, нет, красавицы, так дело не пойдет! – поморщился я. – Что это за односложные ответы? Вы что, решили мне одолжение сделать? Напоминаю: если у нас не состоится продуктивный диалог, вы обе поедете на нары бельевых вшей кормить. Там, в ИВС, как ни борются, сколько ни дезинфицируют, никак не могут их вывести. Блоха, знаете, как кусается? Как цапнет, так кровавый прыщ вскочит.

Вздрогнув от слова «прыщ», Люба руками поправила прическу, проверила, не успела ли какая блоха запрыгнуть на нее в коридорах городского УВД.

– Девушки, – я постарался сменить жесткий официальный тон на покровительственно-отеческий, – я ведь разгова-

риваю с вами только по доброте душевной, а не в силу служебной необходимости. Вы что думаете, я не представляю, с какой целью вы сидели в кафе? Я прекрасно обо всем осведомлен, но я хочу послушать ваши ответы и сделать вывод, врете вы мне или нет.

– Ничего мы не врем, – пробурчала разобравшаяся с прической Люба.

– Тогда я повторю вопрос: сколько стоит «знакомство» с вами, как и где оно происходит, у кого какая доля от любовных утех.

Девушки переглянулись, определяясь, кому из них первой начинать. Я решил им немного помочь.

– Маша Ивлева, начнем с тебя. Ты подруга директора кафе, тебе и карты в руки.

– Почему это я – его подруга? – запротестовала девушка-богомол.

– Евгений Викторович сам мне об этом сказал.

– Он не мог так сказать, – твердо возразила она. – Евгений Викторович – мой родной дядя.

– Разве дядя не может быть другом? – сказал я первое, что пришло на ум.

– Может, – усмехнулась Маша, – только не в этом смысле.

– Андрей Николаевич, – пришел мне на выручку вернувшийся на рабочее место Далайханов, – время идет. Давайте не будем дискутировать на избитую тему «дядя и племянница». Маша, отвечай про знакомства.

Маша глубоко вздохнула, посмотрела мне в глаза и начала:

– С первых дней открытия «Встречи» дядя предложил мне подобрать девчонок для оказания интимных услуг некоторым его гостям. Расценок никаких нет, но нам с каждого «знакомства» достается рублей десять-пятнадцать, остальное Ковалик забирает себе. Чтобы «познакомиться» с девушкой, гость подходит к бармену, спрашивает, кто сегодня свободен. Выбрав девушку, клиент оплачивает бармену услуги и либо увозит девушку с собой, либо уединяется с ней в специальной комнате на втором этаже. Сам Евгений Викторович денег никогда не берет и в разговорах о девушках участия не принимает.

– В кафе есть комнаты для свиданий? – уточнил я.

– Одна комната, – оживилась не участвовавшая в разговоре Люба, – самая последняя по коридору. Только не подумайте, что там целая спальня оборудована. На самом деле, там ничего нет: только топчан, вешалка, зеркало и один стул. Даже умывальника нет. Прикроватной тумбочки нет. Колготки приходится на спинку стула вешать.

– Я уже заметил, что Евгений Викторович любит аскетичный стиль. Сколько человек работает во «Встрече»?

– Обычно выходят две девушки: одна постоянная, одна временная, – пояснила Маша. – Мы с Любой – постоянные. У нас получается один выход в десять дней. Мы же не проститутки, чтобы каждый день сниматься.

– Что значит «временная» девушка? – не понял Далайханов.

– Наши, институтские девчонки, иногда просят дать им возможность подработать, вот мы и берем их с собой.

Айдар полгода назад женился на выпускнице политехнического института. Нисколько не сомневаюсь, что его жена, будучи студенткой, никакого участия в «подработках» не принимала, но как-то странно, что он, оперативный работник, не знал о нравах, царящих в студенческих общежитиях. Обычное нынче явление: снялась девушка разок, срубила деньги и дальше ведет добропорядочную жизнь.

С другой стороны, зачем советскому милиционеру что-то знать о проституции, если в нашей стране никакой проституции нет? На загнивающем Западе она есть, а у нас – нет. У них есть надзирающая за проститутками полиция нравов, а у нас ее нет и в принципе быть не может – нет явления, следовательно, нет и противодействия ему. Возведенное в ранг официальной политики лицемерие давало обратный эффект. Буквально неделю назад известный социолог Погудин тайно познакомил меня с результатами анонимного анкетирования школьников старших классов. Тридцать пять процентов опрошенных девочек указали, что считают занятие проституцией престижным и хорошо оплачиваемым видом деятельности. Один из аргументов такого решения – «знакомство с интересными людьми», то есть наши десятиклассницы вполне серьезно считали, что клиенты у прости-

туток сплошь эстеты и интеллектуалы.

И ведь не только школьницы считали проституцию нормальной, хорошо оплачиваемой работой! С каждым днем в глазах советских обывателей занятие проституцией становилось все менее зазорным и все более престижным. А как иначе, если в газетах и журналах все чаще и чаще воспевалась романтическая жизнь девиц полусвета? Прочтешь статейку в журнале «Огонек» – клеймит журналист проституцию; вчитаешься – хвалит!

– Короче, – подвел я итог, – все вы там в теме!

Маша и Люба неохотно кивнули.

– Так, девушки, от дел любовных перейдем к интересующим нас лицам. Займемся делом, так сказать. Кто вчера вечером сидел в левой кабинке, в какой очередности они приехали?

Отвечать взялась племянница директора.

– Первым приехал кооператор Шафиков. Я сразу же заметила, что он чем-то встревожен. Мы с ним немного знакомы, и он, когда замечает меня в кафе, всегда здоровается, а в этот раз он посмотрел на меня, как на пустое место, и прошел в кабинку. Следом за Шафиковым приехал уголовник с охраной. Его парни сели за столик у входа, осмотрели зал и стали подмигивать нам, подразнивать. Где-то минут через пятнадцать одновременно пришли афганец и Яковлев.

– Ты всех четверых знаешь лично? – спросил я.

– Я знаю только Игоря Владимировича Шафикова, нас по-

знакомил Ковалик. С уголовником я никогда не сталкивалась, а Демушкина и Яковлева я встречала на «субботнике».

– Вместе бревна, что ли, таскали? – Далайханов опять не понял, о чем идет речь.

– Айдар, – пояснил я, – это дедушка Ленин на субботнике надувное бревно носил, а для девчонок «субботник» означает бесплатное обслуживание клиентов.

– В прошлом октябре, – не дав мне развить мысль, продолжила Маша, – нас, трех девчонок из общежития института культуры, афганцы вывезли в дом отдыха «Металлист». Яковлев, как я поняла, был там гостем. Афганцы демонстративно уважительно относились к нему, но как только он отворачивался, брезгливо морщились. Я спросила: «Кто это?» Один из парней сквозь зубы ответил: «Козел один, в горькоме комсомола работает». Зачем афганцы приглашали Яковлева в дом отдыха, я не знаю.

– Я из всех четверых знаю только Демушкина и Тихона, – дождавшись своей очереди, доложила Люба. – С Демушкиным я спала на «субботнике», а Тихона видела на другом «субботнике», у спортсменов. Видела его только мельком, со стороны. Он женщинами не интересуется.

– Да ну! – усомнился я. – Кто бы его короновать стал, если он «голубой»?

– Я не так выразилась, – без тени смущения пояснила Люба. – Тихон, конечно, не чурается женского пола, но такие, как я, его не интересуют. Он спит только с девчон-

ками тринадцати-четырнадцать лет, плоскогрудыми, обязательно с очень короткой стрижкой. Я видела двух сикарашек, которых он привез с собой. Обе маленькие, худенькие, в брючках. Я вначале подумала, что это пацаны, а потом смотрю, они в женский туалет ходят. Наверное, Тихон забыл, как должна выглядеть настоящая женщина. Мне спортсмены сказали, что он, как сел в первый раз, так больше года на свободе никогда не был. Привык, наверное, к плоскодонкам.

– Как они вас на «субботник» собирают? – между делом поинтересовался я.

Ответила разговарившаяся Люба:

– Заходит какой-нибудь спортсмен или афганец из де-мушкинской бригады в комнату в общежитии и говорит: «Завтра от вас два человека на «субботник». Попробуй только откажись – так изобьют, без зубов останешься.

– Они что, во все женские комнаты заходят? – с искренним недоверием спросил я.

– Да нет, не во все, – потупив глаза, ответила за подругу Маша. – Знают, куда заходить.

– Слава богу! – с облегчением воскликнул Айдар. – Хоть какая-то ясность появилась. Оказывается, не всех на «субботники» «приглашают», а только избранных.

– Уголовники к вам не заглядывают? – спросил я.

– К нам – нет, – вновь ответила Маша. – У них свои общежития. У нас только афганцы и спортсмены. Афганцы еще ничего, а спортсмены, те совсем на голову отмороженные.

Как напьются, то отжиматься заставляют, то кросс вокруг дома отдыха бегать.

– От характеристики клиентов перейдем к покойникам, – предложил я. – Как в зале появился пацан? Как он шел?

Еще не задав вопрос, я решил: «Если девки скажут, что увидели мальчишку только у барной стойки, значит, все о чем-то умалчивают».

– Пацан уверенно вышел из фойе, обогнул елку... слева, подошел к кабинке с Демушкиным и взорвался, – не задумываясь, ответила Люба. – Когда он вышел из гардеробной, за его спиной никого не было. Где в этот момент находился швейцар, я не видела.

– Как гости в зале отреагировали на его появление?

– Никак. Он шел по залу меньше минуты, никто ничего понять не успел, как грохнул взрыв.

– Маша?

– Все так и было, – задумчиво ответила Ивлева, – но он вначале стал обходить елку с другой стороны.

– Да ты что! – возмутилась совсем уже освоившаяся Люба. – Он сразу налево пошел.

– Нет, – упорствовала Маша. – Он сделал шаг в нашу сторону, но увидел, что навстречу ему идет официантка с подносом, и только потом пошел налево.

– Стоп! – прервал я начинающийся спор. – За елкой пацан не делал попыток пройти вдоль бара в сторону директорской кабинки?

– За елкой он взорвался, – за обеих ответила Люба.

Я задал девушкам еще несколько вопросов, но больше ничего интересного они не рассказали. Я уже собирался отпустить их домой, как пышногрудая Люба, от усталости и стресса потерявшая чувство реальности, сказала:

– Время еще есть. Как будем: разойдемся пара на пару или все в одном месте?

– Чего-чего? – Под утро Айдар стал тормозить, зато я сразу понял, что нам предлагают.

– Пошли-ка, Любочка, выйдем, поговорим, – я за руку вывел ничего не понимающую студентку в коридор. – Ты уже здесь была, красавица? В каком кабинете тебя на ночь оставляли?

Тут-то до простодушной Любы дошло, что она не тем людям сделала предложение и в итоге вляпалась в некрасивую историю. Но отступать было уже поздно. Сказала «А», придется говорить «Б». Перспектива встретить Новый год в ИВС оставалась реальной.

– В таком же, как у вас, с двумя столами. Вон в том, – она уверенно указала на кабинет Клементьева.

– Кто с тобой был? Как он выглядел?

– А что я такого-то сказала? – вместо ответа она стала оправдываться. – Всю ночь с вами просидели вместе, считай, что породниться успели. У нас все равно вся работа накрылась, так хоть для души оттянуться можно. Или вы такими, как мы, брезгуете? Вы не подумайте о нас плохо, мы не за-

разные, мы с кем попало не спим.

– Люба, ты что, научилась по лицу определять, кто болен гонореей, а кто – нет? Вы резинками пользуетесь?

– Нет, конечно.

– Желаю тебе в Новом году избежать знакомства с бицеллином и препаратами от лечения сифилиса. А сейчас колись, как выглядел мужик, с которым ты у нас оставалась на ночь?

– Чего колотья, его Сергеем Васильевичем зовут, я познакомилась с ним, когда он еще на такси работал. Он несколько раз меня со спортсменами подвозил на «субботник». Потом, вот в этом году, летом, меня допрашивали здесь, как свидетеля драки в ресторане. Я сидела в коридоре, ждала своей очереди, смотрю, он идет в милицейской форме. Я как увидела его, так и обалдела – я-то думала, что он таксист, а он, оказывается, капитан милиции! Словом, то, се, он говорит: «Как с тобой закончат, зайди ко мне в кабинет».

– В августе дело было?

– Нет, в самом начале лета, мы еще учебу не закончили.

«Все лето Клементьев и Матвеев сидели в одном кабинете. В июне Геннадий Александрович был в отпуске, так что девочка не врет, мог ее Серега в двухместном кабинете на ночь оставить. Если Матвеев был в форме, значит, дежурил. А если вызов? С собой бы на происшествие проститутку взял или одну в кабинете оставил?»

– Пожалуйста, не рассказывайте Сергею Васильевичу, что я вам во всем призналась, – попросила Люба. – Он меня

убьет, если узнает.

– Этот разговор останется между нами, – заверил я. – Сейчас иди и позови Машу.

Племянница директора кафе появилась тут же, словно ожидала у дверей. По ее недовольному виду было件нятно, что она считает свою подружку законченной душой. Это надо же догадаться, предложить повеселиться мужикам, которых совсем не знаешь! Да еще где – в милиции, в городском отделе, в пять утра, после бессонной ночи!

– Маша, на сегодня мы закончим, а вот в следующую субботу, шестого января, я буду ждать тебя к двенадцати часам. Повестку выписать или не надо?

– Вы извините меня за Любу, – попросила Ивлева. – Она сегодня – как с катушек слетела.

– Да ладно, проехали! Про субботу не забудешь?

– Давайте лучше в воскресенье встретимся, в субботу днем у нас еще лекции будут.

– Вот черт! – спохватился я. – Совсем упустил из виду, что вы не только по кафе ходите, а еще и учитесь. Давай сделаем так: я оставлю тебе свой рабочий телефон, ты позвонишь мне в пятницу и уточнишь время встречи.

– Андрей Николаевич, вы не подумайте, что мы какие-то проститутки. Так получилось, что иногда встречаемся с мужчинами.

– Маша, каяться будешь в церкви. А пока постарайся вспомнить разговоры, которые при тебе были на «субботни-

ках». Меня интересует все, что связано с Шафиковым, Демушкиным и Яковлевым. Аккуратно расспроси других девчонок: что, где, как? Не высказывал ли кто угрозы, не собирались ли они сами кому-нибудь голову свернуть. Тематику поняла?

Она с готовностью кивнула.

– До общежития сами доедете?

– Здесь недалеко наша однокурсница живет, у нее до открытия посидим.

После их ухода мы с Айдаром решили вздремнуть до начала рабочего дня. Я бросил шапку на стол, уткнулся в нее лицом и замер. Далайханов повозился, повозился и спросил:

– Андрюха, если бы мы пара на пару делились, ты бы какую из них выбрал?

– СПИД не спит! – не поднимая головы, ответил я.

– Андрей, я же тебя как братана спрашиваю, а не как врача-венеролога. Я бы с Машей завис.

– Аналогично. Осталась бы Любочка у разбитого корыта. Сама предложила, и сама же не при делах осталась бы. А вот Серега Матвеев ее бы выбрал.

– С чего ты так решил? Он что, знает ее?

– Знает, и очень даже плотно.

– То-то я смотрю, она от него в фойе лицо прятала. Вначале думал, что показалось, а оно так и есть. Он где с ней познакомился? Когда таксистом был?

– Похоже на то. На кой черт его Клементьев в городское

управление приволок?

Айдар не ответил, он уже спал. До наступления Нового года оставалось совсем ничего, считанные часы.

Глава 6

Тени прошлого

Весной 1983 года начальником Заводского РОВД был Вьюгин, его заместителем по оперативной работе – Клементьев, начальником уголовного розыска – Зыбин, Сергей Матвеев и я были оперуполномоченными. Вьюгин с первых дней моей работы в отделе поддерживал меня во всем, Клементьев меня не замечал, а Зыбин нагружал работой сверх меры и при каждом удобном случае придирался по мелочам. Не знаю почему, но меня он не любил.

Матвеев, заслуженно считавшийся лучшим сыщиком в районе, некоторое время был моим наставником, потом влетел по пьяному делу и от работы с молодежью был отстранен. Мои отношения с Сергеем Матвеевым были равными, товарищескими. Близкими друзьями мы не были, но я всегда мог рассчитывать на него в трудную минуту: Матвеев чтит неписанные законы милицейского братства.

В мае сонная размеренная жизнь в нашем райотделе вскипела от событий неожиданных и кровавых. Все началось с убийства любовницы Вьюгина, продолжилось его самоубийством и, как эпилог, закончилось моей ссылкой в Верх-Иланск².

² Подробнее об этих событиях – в книге Г. Сорокина «Смерть со школьной

Пока шло расследование убийства любовницы Вьюгина, я умудрился нажить себе могущественного врага – полковника Николаенко. Из-за его интриг я был задержан сотрудниками КГБ, но вскоре освобожден без предъявления обвинений. На крыльце областного управления КГБ меня встречал Матвеев: «Как ты, *брат*? Выдержал натиск упырей? Мы в тебе не сомневались». Я прекрасно помню тот день и ту ночь, когда по опустевшему городу мы мчались на вьюгинской «Волге» в райотдел. Тогда я впервые почувствовал, как это классно – иметь за спиной товарищей, которые в лепешку разобьются, но вытащат тебя из любой передраги.

После освобождения из КГБ мой авторитет в райотделе вырос, но только не для Зыбина. Он продолжал насмехаться надо мной: «Какой же ты опер, если не можешь раскрыть кражу детской коляски в общежитии?» Разозленный его придирками, я поднял на уши всю свою агентуру, и мой лучший агент по кличке Итальянец дал наводку, у кого хранилась эта похищенная коляска. На обыск со мной по собственной инициативе поехал Матвеев. В квартире, на которую указал Итальянец, был воровской притон. Хозяйничала в нем несовершеннолетняя беременная гражданка Соколова. При обыске у Соколовой мы изъяли и мою коляску, и еще много-много вещей с доброго десятка квартирных краж.

На наши вопросы Соколова отвечать отказывалась, и Матвеев для установления продуктивного диалога дал ей пару

пощечин да один раз поднял за волосы над диваном. По меркам 1983 года он обошелся с ней в высшей степени гуманно. Что такое пара пощечин? Да ничего – обычное приглашение к разговору, вполне укладывающееся в приказ министра внутренних дел «О вежливом и предупредительном обращении с гражданами».

Это по нынешним временам за пощечину вору или убийце могут посадить лет на пять-шесть, а в застойные времена бандиты и грабители воспринимали затрещины как неизбежные издержки воровской профессии. Никому бы до этой беременной Соколовой не было дела, но вмешался полковник Николаенко, ставший после самоубийства Вьюгина начальником нашего РОВД. Николаенко заставил Соколову написать на нас заявление и передал собранные материалы в областное УВД. Он бы с удовольствием передал состряпанное им дельце в прокуратуру, но вот перепрыгнуть через голову начальника областного УВД генерала Безрукова он никак не мог. На кадровой комиссии решили: материалы на меня и Матвеева в прокуратуру не передавать, в качестве наказания обоих уволить. Тут выяснилось, что если уволить меня, молодого специалиста, то рухнут проценты по воспитательной работе с милицейской молодежью, а этого допустить было никак нельзя. За падение процентов не поздоровилось бы всем, включая генерала. В Москве за процентами бдили и бдят, чуть что не так, мигом холку намылят. Генерал Безруков взвесил все «за» и «против» и принял соломо-

ново решение: меня перевели на новое место работы в далекий провинциальный райцентр Верх-Иланск, Матвееву дали возможность уволиться по собственному желанию.

После кадровой комиссии мои отношения с Матвеевым охладели. Он стал считать меня виновником всех своих бед. Некая доля правды в этом была. Действительно, если бы не мое и полковника Николаенко противостояние, то плевали бы все на беременную воровку. С другой стороны, я не подстрекал Серегу Матвеева бить Соколову по щекам и таскать за волосы. Тут он как-то без моих советов обошелся.

После увольнения Матвеев переменил несколько мест работы и году этак в 1986-м устроился работать в такси. Работа в такси всегда была сопряжена с риском переступить закон. Кого только не возят таксисты: и воров, и барыг, и спортсменов, и цыган, и проституток. Добропорядочные граждане – самые редкие пассажиры такси. Откуда у простого работяги деньги на тачку? А у воров и торгашей они всегда есть.

Таксисты всегда спекулировали водкой. После окончания работы винно-водочных магазинов спиртное можно было купить только в такси. В 1983 году бутылка водки в магазине стоила 5 рублей 30 копеек, у таксистов – 10 рублей. С введением горбачевского «сухого закона» цена водки в магазине подскочила до 10 рублей, а у таксистов, соответственно, до 20–25 рублей. Какой доход с каждой бутылки имели таксисты, подсчитать нетрудно: за смену в среднем каждый таксист продавал по пять бутылок – чистая прибыль от 50 до

75 рублей. В 1983 году я жил в общежитии хлебокомбината. Средняя зарплата хлебопеков была в районе 145 рублей. Во времена правления Горбачева она, в отличие от цен на спиртное, осталась прежней.

Но милицейская романтика не давала покоя Сереге Матвееву, и он решил восстановиться в органах. К началу 1988 года сменилось все руководство областного УВД. Об истинных обстоятельствах увольнения Матвеева уже никто не помнил, и его с легкостью взяли на прежнюю должность старшего оперуполномоченного Заводского РОВД. Так в возрасте тридцати восьми лет Сергей Васильевич вновь стал капитаном милиции. В марте 1988 года Клементьев занял должность заместителя Малышева, через два месяца он перетащил к нам, в городское УВД, Матвеева. До августа они сидели в одном кабинете, потом Клементьев выпер его и посадил с собой оперуполномоченного Игнатенко, молодого паренька, попавшего в городское управление исключительно по протекции его мамы, работавшей бухгалтером в областном спортивном обществе «Динамо».

Когда решался вопрос о переводе к нам Матвеева, я откровенно высказал Малышеву свое мнение: после работы в такси Сереге Матвееву не место в милиции, тем более на оперативной работе, и тем более в городском УВД. Любой таксист сотнями и тысячами незримых нитей, прямо или косвенно, связан с криминальным миром. Дать гарантию, как поведет себя Матвеев, когда ему предстоит арестовывать

какого-нибудь своего бывшего щедрого клиента, невозможно. Шепнет ему пару слов перед задержанием, и чеши потом репу, гадай, каким образом преступник узнал о готовящейся на него облаве.

Судьбу Матвеева решали простым голосованием. Я был «против», Клементьев и Малышев – «за». Большинство перевесило. Не знаю, рассказал Клементьев Сереге о нашем голосовании или нет, но в городском управлении Матвеев, мой бывший наставник, относился ко мне подчеркнуто вежливо, как я в свое время к Николаенко.

Если к неприятностям в жизни Матвеева я имел хоть какое-то отношение, то падение Клементьева произошло без моего участия. Я ему водку в рот не заливал и с собой выпить не приглашал. Тут Геннадий Александрович сам во всем виноват.

К концу 1983 года, после самоубийства Вьюгина и ареста Николаенко, Заводской РОВД вновь остался без начальника. Единственным претендентом на эту должность был Клементьев. Ему повезло, когда разворачивались события вокруг убийства любовницы Вьюгина, Геннадий Александрович был в отпуске. Формально он отношения ни к чему не имел. Управление кадров подготовило представление на его назначение, но тут взбунтовался партийно-политический аппарат областного УВД: «Клементьева ни в коем случае нельзя назначать начальником РОВД! Лаптев и Матвеев – это его подчиненные, и лично он повинен, что они в своей работе

прибегали к незаконным методам дознания. Били они по щекам гражданку Соколову или нет – дело третье, главное – у Клементьева в работе с подчиненным личным составом полный бардак». Решение о назначении Геннадия Александровича на главную должность в РОВД отсрочили на полгода, потом еще на такой же срок. По итогам 1984 года Заводской РОВД не вытянул план по общей раскрываемости преступлений. Клементьеву дали строгий выговор, и он впервые ударился в запой.

Год за годом Геннадий Александрович оставался в подвешенном состоянии. Формально он числился исполняющим обязанности начальника РОВД, фактически – руководил районной милицией. Работа в органах внутренних дел – это ежедневный стресс. Каждый с ним борется по-своему. Традиционно стресс снимают спиртным, другое дело – сколько и как часто пить. Геннадий Александрович, борясь со стрессом и жизненными невзгодами, водкой увлекся и сам погубил свою карьеру.

Осенью 1983 года Клементьев еще не пил, и я с ним находился более чем в дружеских отношениях: был вхож в его дом, не раз, приезжая в город из Верх-Иланска, оставался у него ночевать, был знаком с членами его семьи. Дочь Клементьева Светлана как-то призналась, что мои дружеские похлопывания ее по попе она воспринимала как заигрывания. Ага, делать мне нечего, как флиртовать с пятнадцатилетней девчонкой! Но было дело, похлопывал ее ладошкой

по мягкому месту³.

Кстати, я и Геннадий Клементьев долгое время находились почти в родственных отношениях. Я собирался жениться на Антоновой Марине, а она, через своего отца, через дальних родственников, приходилась родней Клементьевым. Потом сестры Антоновы поменялись местами, и я подал заявление в ЗАГС с младшей сестрой, Натальей. С женитьбой на Наталье ничего не получилось, зато в конце июля 1986 года у нас родилась дочь Арина. Теперь я и Клементьевы стали настоящими родственниками, только неизвестно, какой степени родства.

В мае 1986 года Светлана Клементьева, студентка второго курса мединститута, попала в неприятную историю, и ей стало грозить отчисление из института⁴. Отец Светланы бросился улаживать ситуацию и потребовал от меня сфальсифицировать материалы об участии его дочери в сокрытии трупа однокурсника. Я категорически отказался. В итоге Светлана сама забрала документы из института и устроилась работать секретарем к социологу Погудину. На карьере Геннадия Александровича участие дочери в неприглядной истории напрямую не отразилось, но где-то в кадровом аппарате ему поставили очередной минус. А потом он откровенно запил и был вызван на ковер к новому начальнику областного

³ Подробнее об отношениях Лаптева и членов семьи Клементьевых – в книгах Г. Сорокина «Лагерь обреченных» и «Кочевая кровь».

⁴ Подробнее – в книге Г. Сорокина «Кочевая кровь».

УВД генералу Удальцову. Был декабрь 1987 года. Удальцов поставил перед Клементьевым ультиматум: или он кодируется от пьянства, или его уволят за дискредитацию звания сотрудника милиции. Клементьев закодировался, но буквально через пару месяцев опять чуть не запил. И было от чего! На сей раз всю карьеру ему сломал грузин Гоги.

Гоги работал следователем в Заводском РОВД много лет. Ни в чем предосудительном замечен не был, но, оказывается, мы его плохо знали. 8 марта 1988 года две девицы пригласили к себе в гости двух грузин. Наутро женщины обнаружили, что у них пропали золотые украшения. Они написали заявление в милицию, материал попал к Гоги. Мужчин быстро установили, и они помчались к «обворованным» женщинам. Разборки были короткими – золото нашлось. Заявительницы пришли к Гоги и дали показания, что по пьяному делу забыли, куда положили побрякушки, а когда с мужиками восстановили весь вечер шаг за шагом, тогда золото и нашлось.

Гоги вызвал к себе грузин и предложил им за прекращение дела заплатить по тысяче рублей. Заплатить фактически ни за что – пропажа-то нашлась! Грузины возмутились: «Ты наш земляк, как ты смеешь нас на ровном месте разводить?» Гоги рассмеялся им в лицо: «Хотите, я перешлю материал по вашему месту жительства в Грузию? Там с вас сдерут в пять раз больше!» Грузины обиделись и обратились в прокуратуру. В тот же день Гоги арестовали при получении взятки. Взбешенный Удальцов отстранил Клементьева от руко-

водства отделом и предложил ему либо уволиться, либо найти новое место работы. Клементьев бросился к Малышеву: «Выручай, брат, не дай погибнуть! Мы с тобой столько лет оба были начальниками РОВД, пуд соли вместе съели, сто пар сапог износили, нас на одних и тех же совещаниях песочили, за одни и те же проценты выговоры давали!» Малышев вошел в положение Геннадия Александровича и взял его к себе заместителем. Для Клементьева новая должность была серьезным понижением, но другого выбора у него не было.

Такие вот метаморфозы преподносит порой судьба. Был для меня Геннадий Александрович Клементьев большим начальником, стал равнозначным по должности коллегой. Был Серега Матвеев моим наставником – стал подчиненным. Что примечательно, оба они в своих бедах винили меня.

Глава 7

Совещание

В девять утра Малышев провел последнее в этом году оперативное совещание.

– Краткая информация о событиях вчерашнего вечера. Для расследования взрыва в кафе «Встреча» прокуратурой области создана следственно-оперативная бригада, которую возглавит заместитель прокурора области по следствию Алексей Ильич Шальнев. Оперативное сопровождение возложено на управление уголовного розыска областного УВД. Что это означает, объяснять не надо?

– Сколько человек они запросят? – недовольно пробурчал Клементьев.

– Двоих. Одного дашь ты, другого – Лаптев.

У дверей, где во время совещаний сидели молодые лейтенанты, раздался грустный вздох. Так наша молодежь выражала свое недовольство отправкой на чужбину. Идти на побегушки к ожиревшим от сидячего образа жизни областникам – это традиционный удел начинающего опера. Помнится, когда я был молодым, Зыбин любил погонять меня по всяким усилениям: «Иди туда, иди сюда, поработай с областниками, помоги прокурорскому следователю, а в конце недели придешь с докладом о раскрытии преступлений

на своем участке». Попробуй только возразить ему – вскипит, как чайник, забытый на раскаленной плите: «Что значит: «На свой участок времени не хватает?» Ночью ты чем занимаешься? Спишь? А в воскресенье? Что ты в выходной день делаешь? Водку пьешь да за бабами волочишься? Ты мне про отсутствие времени сказки не рассказывай. Кто хочет поработать – тот всегда время найдет!»

Матвеева на усиление Зыбин никогда не посылал. Шесть лет назад Серега Матвеев был лучшим опером Заводского РОВД. Кроме участия в охране общественного порядка во время проведения майской и ноябрьской демонстраций, его больше нигде не задействовали.

– Третьего января, – продолжил Малышев, – из Москвы с проверкой организации раскрытия взрыва в кафе приезжают сотрудники Главного управления уголовного розыска. День-другой они покрутятся в областном УВД и спустятся к нам. Приведите в порядок все оперативные дела, всю служебную документацию. Московские гости пробудут у нас целую неделю. Пару дней они потратят на взрыв, потом начнут проверять все подряд, что под руку подвернется.

– Пьющие приедут или нет? – в шутку спросил Клементьев.

– Конечно, пьющие. Где ты видел проверяющего, который трезвым спать ложится? Скажи спасибо, если баб не запросят. Мне мужики из Новосибирска звонили, говорят, им проверяющие сразу же сказали: «Девочек не будет – столько

недостатков в организации работы найдем, что мало не покажется».

– С девками – это не ко мне, – Клементьев многозначительно посмотрел в мою сторону. Спрашивается, откуда человек узнал, что я всю ночь с проститутками работал? Никого же на этаже не было, а он уже все знает.

– Формально нас не привлекают к расследованию убийств во «Встрече», но это ничего не значит. Преступление совершено на территории областного центра, значит, нам его и раскрывать. Сейчас поступим так: руководящий состав и старшие опера останутся, остальные до полудня свободны. Ровно в двенадцать часов всех жду в моем кабинете.

После ухода молодежи мы расселись посвободнее, закурили. Кабинет Малышева мгновенно утонул в клубах табачного дыма, пришлось приоткрыть окно.

– Александр Лукич, прошу вас! – обратился Малышев к оперуполномоченному Ключникову. – Начнем с Лучика и его окружения.

Александр Ключников был худощавым сорокалетним мужчиной с тонкими чертами лица. Увидев его в первый раз, Айдар сказал: «Он похож на канцелярскую крысу». Я присмотрелся к Александру и понял: с крысой его роднит длинный нос, украшенный очками в тонкой оправе. Оперативником Ключников был очень посредственным. Для успешного раскрытия преступлений ему не хватало проворности, физической силы и наглости. Зато он обладал цепкой памя-

тью, был усидчивым, мог часами возиться в картотеке или адресном бюро. Следуя веяниям времени, Малышев освободил его от повседневной работы и поручил заниматься учетом преступных группировок в нашем городе.

— Лучик, — не вставая с места, начал Ключников, — наш единственный в области вор в законе, доживает свои последние дни. По сообщениям агентуры, у Лучика прогрессирует кровохарканье, методы терапевтического купажу кровотечения из легких ему уже не помогают. Лучик находится в полном сознании, но физически слаб и в последние месяцы за пределы своей квартиры не выходит. По настоянию Тихона одна из комнат квартиры, где живет Лучик, превращена в лазарет, там день и ночь дежурит медсестра из тубдиспансера. Лучика лечат лучшими импортными препаратами, но никакого положительного эффекта они не оказывают. Негласно Тихон велел собрать с преступного мира нашей области тридцать тысяч рублей. Как полагают знающие люди, это взнос на организацию будущих похорон.

О преемнике Лучика. На проведенном в 1987 году в Москве всесоюзном совещании воров в законе было определено количество воров на каждую область и каждый город с населением свыше миллиона человек. По воровской разнарядке у нас в области должен быть один вор в законе, которому доверена координация действий всего преступного мира. По требованию сибирских воров в решение московского совещания внесено уточнение: вместо выбывшего во-

ра в законе на его место коронуются претенденты из местных воров. Делегирование на управление сибирскими регионами воров из других местностей признано недопустимым. В том случае, если на вакантное место вора нет достойных претендентов, на управление областью приглашаются авторитеты из соседних регионов, но никак не из Москвы или с Кавказа.

После смерти Лучика короновать должны были Тихона, этот вопрос решенный, он согласован со всеми заинтересованными сторонами. Кого сейчас выдвинут в преемники Лучика, я предсказать не берусь, но реальных кандидатов двое: Почемучка и Муха-Цокотуха. У Почемучки отличный послужной список, он хорошо знаком с новосибирскими и томскими ворами, поговаривают, что о нем похвально отзывался сам Дед Хасан. По возрасту Почемучка еще не старый, ему всего пятьдесят восемь лет. Как недостаток, я бы отметил его заскорузлость мышления. Почемучка никак не может избавиться от штампов и стереотипов, присущих преступному миру шестидесятых-семидесятых годов. Так, он никак не может понять, что кооператоров выгоднее постепенно доить, а не отбирать у них все сразу. С Тихоном у Почемучки были отличные отношения. Смерть Тихона для него – скорее минус, чем плюс. Почемучка не управленец, он еще не готов руководить всем преступным миром области. Корону он надеть согласится, а вот что из этого получится, никто не знает.

Теперь о Мухе. В отличие от Почемучки, он – прогрессивный вор, но на нем лежит несмываемое пятно – он по молодости лет судим за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости. Все знают, что эта судимость у него туфтовая, но она есть.

– Сейчас перестройка, – заметил Клементьев, – воры закроют глаза на половую статью. Тем более все знают, как Муха на нее раскрутился.

Операцию по нейтрализации преступного авторитета по кличке Муха-Цокотуха проводил Вьюгин. Когда он узнал, что Муха, ни от кого не скрываясь, живет с пятнадцатилетней девчонкой, то добился возбуждения в отношении гражданина Мухина уголовного дела по 119-й статье УК РСФСР. Врачи, осматривавшие «потерпевшую», были категорически против признания ее лицом, не достигшим половой зрелости. У этой девочки в пятнадцать лет фигура была, как у физически развитой двадцатилетней женщины. Но на врачей надавили, и они вынесли заключение – не готова рожать девчонка! Маленькая она еще, а что у нее грудь не помещается в бюстгальтер третьего размера, так это видимость одна, фикция, обман зрения! Муха за сожительство с малолеткой получил два года, но на зоне в обиду себя не дал, а после отсидки круто поднялся.

«По старым законам корона Мухе не светит, – подумал я, – но кто нынче чтит старые законы? Пообещает Муха вовремя выплачивать дань московским ворами, и они его ко-

ронуют. В эпоху перестройки экономика важнее воровских традиций».

– Смерть Тихона отчасти выгодна Мухе, – продолжал Ключников. – Тихон при жизни был ярким противником конфронтации с группировками спортсменов и афганцами. Муха же, наоборот, считает, что чем раньше воры нанесут разгром конкурентам, там безопаснее будет в будущем.

– Муха никогда бы не решился на убийство такого влиятельного авторитета, как Тихон, – высказал свое мнение Малышев. – Ворон ворону глаз не выклюет, вор на вора нож не поднимет. Ни один авторитет не решится перешагнуть через воровские законы, напрямую запрещающие смертоубийственные разборки.

Мы с Клементьевым согласились с доводами начальника. Скорее всего, наш преступный мир к взрыву не причастен. Сам метод расправы не характерен для воров. Зарезать, застрелить – это бандиты могут, а вот ликвидировать врагов с помощью живой бомбы – это вряд ли. С другой стороны, «новое мышление» – оно ведь для всех. Это раньше ничего не взрывали, а почему бы сейчас не попробовать? «Клубок» (групповое убийство на милицейском жаргоне) распутывать всегда труднее, чем единичное убийство. В «клубке» все перепутано. Поди-ка, догадайся, кого при массовом убийстве хотели ликвидировать.

– Перейдем к остальным жертвам взрыва, – предложил Малышев. – Кто выступит?

Слово попросил я.

– Судя по показаниям свидетелей, в кафе шел неприятный разговор. С одной стороны в нем участвовал кооператор Шафиков, с другой – афганец Демушкин. Комсомольский работник Яковлев был приглашен Демушкиным для солидности, чтобы показать, что горком ВЛКСМ на его стороне. Тихон выступал в споре в роли арбитра. Если они делили собственность, то за посредничество Тихону положены десять процентов от суммы спора. Картина последних минут жизни взорванных спорщиков вырисовывается такая: Демушкин давил на Шафикова, тот оборонялся. Некая третья сила покончила со всеми разом.

– Что они могли делить? – спросил Малышев. – Шафиков не планировал продать свой кооператив?

Мы дружно пожали плечами: хозяйственная деятельность кооператоров нас не касалась, мы же не БХСС, у нас своих дел полно.

– Геннадий Александрович, прошу вас! – Малышев предоставил слово Клементьеву.

– Нами задержан швейцар-гардеробщик кафе, некий Самошкин, бывший спортсмен, участник боевых действий в Афганистане. По словам Самошкина, он в девять вечера запер кафе. Примерно в половине десятого или немного позже в двери настойчиво постучались. Он открыл и увидел двух сотрудников милиции в шинелях. Один из милиционеров был в звании старшего лейтенанта, второй – сержант. С

милиционерами был подросток лет тринадцати, по приметам полностью совпадающий с «живой бомбой». На подростке была осенняя куртка. По внешнему виду гостей швейцар сделал вывод, что они только что вышли из автомобиля: снега на шапках у милиционеров не было, а вчера вечером шел легкий снежок. Пацан был без головного убора, на голове и одежде у него снега также не было.

Милиционеры прошли с подростком в фойе и заявили швейцару, что сейчас паренек сделает подарок их знакомому, и они тут же уедут. Самошкин ничего не мог им возразить. Подросток скинул с плеч куртку, взял у сержанта торт и пошел в зал. Старший лейтенант наблюдал за ним от входа в гостевой зал. Когда грянул взрыв, сержант закричал Самошкину: «Беги в зал, спасай людей!» Швейцар растерялся и не нашел ничего лучшего, как побежать за инструкциями к директору кафе. Милиционеры, воспользовавшись суматохой, скрылись. Кроме швейцара, никто милиционеров в кафе не видел. Возможно, Самошкин врет и выдумал всю эту историю от начала и до конца, а может быть, говорит правду.

– Где он сейчас? – спросил Малышев.

– Ждет суда за мелкое хулиганство.

– Так, – оживился Николай Алексеевич, – кого еще задержали?

– Я закрыл охранников Тихона и двух афганцев, – ответил я.

– Мы задержали швейцара и еще пять человек, – доложил

Клементьев.

– Кто эти пятеро? – подозрительно прищурился Малышев.

– Двое барыг, скупщики краденого. Один – вор. Он у нас проходит по серии квартирных краж. Вор ужинал с приятелями в кафе, так что теперь пускай посидит в ИВС, мы пощупаем его по последним делам. Один задержанный – кооператор. Он был у нас свидетелем по делу, вел себя хамски, прокурором страшал. Я думаю, встреча Нового года на нарах пойдет ему на пользу. Еще задержана некая Голубцова, проститутка и спекулянтка.

«Врет, – автоматически отметил я. – «Встреча» – не публичный дом, чтобы в нем за каждым столиком проститутки сидели. Проституток было всего две. Третьей там делать нечего, кормовой базы не хватит».

– Это не та ли Голубцова, что засветилась в истории с финскими сапогами? – начал догадываться Малышев. – Колись, это она твоей жене сапоги продала?

– Совпадение, – пробурчал Клементьев. – Так получилось, я ее туда не приглашал.

– Голубцову освободить! – приказал начальник уголовного розыска.

Клементьев нехотя сделал пометку в ежедневнике.

Тут я вспомнил, о каких сапогах они толкуют: некая спекулянтка Голубцова за полуторную цену продала жене Геннадия Александровича модные финские сапоги. Через неде-

лю у сапог отлетели каблук. Парни из БХСС осмотрели по-калеченную обувь и заявили, что это вовсе не импортные сапоги, а обыкновенные советские, на которые изнутри приклеены финские этикетки. Клементьев выловил спекулянтку, пару раз врезал ей сапогами по спине и забрал деньги назад. Теперь он решил воспользоваться случаем и отправить обидчицу встречать новогодние праздники в ИВС.

– Я в последний раз вас всех предупреждаю, – угрожающим тоном заявил Малышев, – не путайте личные интересы и государственные! Отомстить спекулянтке – дело нужное, но палку перегибать не стоит. Голубцова, как освободится, к прокурору побежит. Что мы ему отвечать будем? Что она видела неких милиционеров? Не надо ерундой заниматься, а то мы так в злоупотреблениях увязнем, что сами на нары угодим. Посидела Голубцова ночь в клетке – и хватит с нее. Пускай идет домой, костюм снежинки примеряет.

– С ее фигурой только в костюм снеговика наряжаться, – мрачно пошутил Клементьев.

– Вернемся к нашему «клубку», – Малышев пропустил уточнения своего заместителя мимо ушей. – Какие версии вы можете предложить? Доводы, факты, опровержения? Прошу, Андрей Николаевич, начнем с тебя.

– Я предлагаю не спешить и вернуться к обзору преступности. Давайте поговорим о спортсменах и об афганцах. Ключевой свидетель по делу Самошкин – и афганец, и спортсмен. Давайте пройдемся по ним.

Малышев подумал секунду-другую и согласился с моим предложением.

– Александр Лукич, вам слово!

– Спортсмены представлены в нашем городе одной влиятельной группировкой под названием «Борцы», – Ключников сверился со своими записями. – «Борцы» – это неформальное объединение спортсменов, занимавшихся на профессиональной и полупрофессиональной основе силовыми видами спорта – борьбой, боксом, дзюдо. Руководит группировкой чемпион РСФСР по вольной борьбе Задорожный. Организационно группировка состоит из десяти секций по пять-шесть человек в каждой, то есть в случае конфликта Задорожный сможет выставить не менее пятидесяти бойцов – физически крепких, подготовленных к рукопашным схваткам. В настоящее время Задорожный работает тренером в спортивном обществе «Урожай». Местом базирования группировки является спорткомплекс на улице Сакко. Членам группировки «Борцы» запрещено курить, употреблять спиртные напитки и наркотики. Жениться и переезжать на новое место жительства можно только с личного разрешения Задорожного. О криминале. Задорожный встречался с Тихоном и потребовал раздела города на сферы влияния: Заводской и Машиностроительный районы отходят к «Борцам», остальной город остается под контролем Лучика. Естественно, криминальные авторитеты не согласились с такой постановкой вопроса и предложили Задорожному взаимовыгод-

ное сотрудничество: «Борцы» участвуют вместе с криминалом в вымогательствах, за что будут иметь свой процент. На сегодняшний день стороны к соглашению не пришли и обдумывают условия для новых переговоров. Наш прогноз: или криминалитет поставит «Борцов» под свой контроль, или нас ждет первая мафиозная война.

Об афганцах. Наш областной Союз ветеранов Афганистана фактически разделен на две части. Первая – официальный союз ветеранов, руководимый Закиром Хайбуллиным. Ничего о нем говорить не будем, так как это обычная общественно-политическая организация. Все их мероприятия согласовываются с партийными органами и не выходят за рамки допустимой фронды. Вторая часть, руководимая покойным Демушкиным, называется «Сибирское объединение ветеранов Афганистана». По факту – это организованная преступная группа, которая только начинает свою деятельность. В личном плане Демушкин и Хайбуллин являются, вернее, являлись скрытыми врагами. На людях они демонстрировали единение в руководстве Союза ветеранов Афганистана, а на деле – активно собирали друг на друга компрометирующий материал. Так, про Хайбуллина поговаривают, что свою медаль «За отвагу» он получил не за боевые действия, а за хорошие отношения с начальством. Так это или нет, никто не знает. У меня вроде бы все.

– Нет, не все! – возразил я. – Давайте посмотрим на возникшую ситуацию шире. В сентябре этого года в городе

был образован первый комсомольско-молодежный кооператив по пошиву модной одежды. Кто из вас обратил внимание на это событие? Никто. А ведь это знаковое событие! В аббревиатуре «комсомол» первый слог означает «коммунистический» (союз молодежи). Коммунизм, как научно-философское учение, отвергает частную собственность, а любой кооператив – это капитализм, это мир чистогана и наживы. Словосочетание «комсомольско-молодежный кооператив» – это лингвистический и логический бред! Это аналог лозунгам «Проститутки против внебрачных половых связей» или «Хищники – за вегетарианство». Если райкомы и горкомы комсомола пошли по пути создания кооперативов, то им неизбежно потребуется физическая защита от рэкеты. Они просто вынуждены будут вступать во взаимодействие или с боевиками Задорожного, или с афганцами Демушкина. На совещании в кафе «Встреча» как раз и был Демушкин, который уже давно присматривался, какой бы кусок кооперативного пирога ему отхватить. За Демушкиным нет ничего и никого, кроме лично ему преданных боевиков. Те, кто поддерживает его, считают себя обделенными: они проливали кровь в Афганистане, а после приезда на Родину получили шиш: ни почета, ни славы, ни денег, ни квартир. Они хотят социальной справедливости, а официальные власти ничем им помочь не могут и не хотят. Одним словоблудием сыт не будешь. Далее, в кафе сидит прибывший с Демушкиным комсомольский функционер Яковлев. Давайте не будем

считать его пустобрехом и никчемным холуем. С какой-то же целью он был в кафе! Что могли потребовать Демушкин и Яковлев у Шафикова? Могли потребовать долю прибыли с его кооператива, а могли предложить Шафикову объединиться с каким-нибудь вновь образованным комсомольско-молодежным кооперативом. Я совершенно уверен, что «клубок» в кафе «Встреча» – это не бандитская разборка или личное сведение счетов, а некая акция экономического или политического характера.

– А вот тут ты не прав, Андрей Николаевич! – возразил Малышев. – Ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов личный мотив совершения преступления. Вспомним самый известный «клубок» в Советском Союзе. В конце шестидесятых годов в городе Норильске некий мужик решил жениться на своей любовнице. Его планам мешал муж любовницы. «Жених» решил мужа убить, но так, чтобы на него не пало и тени подозрения. Его «клубок» – это классический пример.

Малышев не стал дальше рассказывать о норильской истории, а дело там было так: «жених» на руднике украл взрывчатку и адскую машинку. Когда с рудника в город поехал автобус с рабочими, он его взорвал. Вся сложность в раскрытии этого массового убийства была в том, что муж на взорванный автобус опоздал. Первоначально версию о личном мотиве в подрыве автобуса никто не рассматривал. Следователи и контрразведчики искали в «клубке» след иностранных спецслужб, а оказалось, что самое кровавое преступле-

ние в истории СССР – это по большому счету обыкновенная бытовуха.

– Давайте разбросаем версии между нами, – предложил Клементьев. – Я возьмусь отработать уголовников и личностные мотивы совершения преступления, а Андрей Николаевич потрудится на ниве спортивных и общественных объединений.

Коварен Геннадий Александрович Клементьев: себе взял что полегче, а на меня задумал весь тяжкий груз свалить! У нас никакой агентуры среди спортсменов и афганцев нет, как же работать прикажете?

– Поступим по-другому, – решил Малышев. – Мы пойдем не от явлений, а от покойников. Андрей Николаевич возьмет себе пацана и Шафикова, а ты, Геннадий Александрович, займешься Тихоном и Демушкиным. Яковлева пока трогать не будем. В горком комсомола нам никто соваться не даст.

– Николай Алексеевич, – попросил я слово, – а наши «коллеги» из КГБ не желают поучаствовать в этом деле? Яковлев ведь не дворник и не слесарь, а комсомольский деятель.

– Из КГБ нам уже ответили, что Яковлев погиб на частной вечеринке, а не на работе и не в связи с исполнением своего общественного долга. Сами знаете, чекисты сейчас стараются лишний раз головы не высовывать, их в прессе травят не меньше нашего.

– А кого сейчас не травят? Всем достается, – заметил Клементьев.

– Уточним две позиции, – предложил Малышев. – Это Яковлев и «Борцы». Сам по себе Яковлев – не фигура, за ним кто-то стоит. Этот «кто-то» наверняка состоит в обойме сильных мира сего, так что в направлении горкома комсомола продвигаться не стоит, а то последние зубы обломаем. Появится информация – возьмем на карандаш, нет – и не надо. А вот со спортсменами надо поработать. «Борцы» – это группировка, которая готовится вступить в бой за передел сфер собственности. Могут они провести показательную акцию устрашения? Могут! Чем более жестоким будет их дебют, тем больше их будут уважать и бояться.

– У меня нет выхода на спортсменов, – сказал я.

– У меня тоже, – доложил Клементьев.

– Ищите, работайте. – Малышев посмотрел на часы. – Соевещание окончено. Перекурите, возьмите посуду, и ровно в полдень жду всех на «рюмку чая».

Мы разошлись по кабинетам. До итогового сбора у начальника оставалось минут двадцать.

Глава 8

Случайности и репрессии как путь наверх

Начальник Кировского РОВД Николай Алексеевич Малышев стал стремительно лысеть в 1986 году в возрасте сорока восьми лет. Буквально за год его некогда густая шевелюра поредела, появились глубокие залысины, на макушке образовалась приметная плешь. Как ни боролся Малышев с облысением, природа взяла свое: залысины и плешь соединились в единую лысину.

Клянусь, если бы я был женат и вдруг стал лысым, я бы плюнул на это дело и даже не задумывался, как я выгляжу со стороны. Рассуждал бы примерно так: «Жена не стесняется со мной на улицу выходить? А что еще надо для семейного счастья? У нас в стране полно лысых, у нас на каждой денежной купюре лукаво улыбается полысевший чуть ли не в детстве Владимир Ильич. Да что там говорить, нынешний глава государства – лысый, а не стесняется ведь с народом общаться! И Хрущев не стеснялся, и Котовский».

Одному Малышеву лысина покоя не давала. Маскируя обнажившийся череп, Николай Алексеевич стал зачесывать волосы поперек головы, с виска на висок, как популярный актер Николай Парфенов в фильме «Афоня». Получалось не

очень, лысина все равно просвечивала. Но сколько времени уходило на укладку волос! Приехали мы как-то на торжественное совещание в ДК машиностроителей, сдали одежду в гардероб и пошли в буфет посмотреть, какой дефицит выбросили на продажу. Минут через двадцать огляделись – ба! – начальника нет. Я спустился на первый этаж, а там Малышев, как красна девица, у зеркала крутится, марафет наводит, волосок к волоску подгоняет.

Без сомнения, знаковым событием в Кировском РОВД была поездка Малышева к народному целителю в деревню Дураково. Целитель-травник, некий Порфирий Никандрович, посетителей с улицы не принимал, но для Николая Алексеевича сделал исключение – начальник милиции все-таки, не скотник какой-нибудь и не слесарь. К тому же дочь целителя работала у нас в отделе техничкой.

Лечение раннего облысения проходило в один сеанс. Вначале народный кудесник намазал лысину Малышева зеленой мазью, изготовленной на основе клевера, пророщенного овса, березовых листьев и крапивы. Через час мазь сняли тряпочкой и пошли в хлев, где лысину Николая Алексеевича тщательно облизала корова по кличке Зорька. Смех смехом, но после лечения у народного целителя Малышев лысеть перестал.

В райотделе по этому поводу разгорелся яростный спор о том, что было более действенным в народной терапии: мазь или коровий язык? А если бы Малышева бык облизал, об-

лысение бы прекратилось или нет? Воочию увидев результаты общения Малышева с коровой, несколько лысых с нашего отдела поехали в Дураково, но отец технички всем отказал. К слову, сеанс терапии у Порфирия Никандровича стоил недешево. Малышев за него отдал сто рублей деньгами, две бутылки водки «Столичная», батон чайной колбасы с жиром и старую электробритву «Харьков». Способствовавшая лечению техничка получила премию за успехи в работе и почетную грамоту на День милиции.

Но мнительным был наш начальник! Все искал в себе недостатки, все в чем-то сомневался, о чем-то грустном думал. Немалую роль тут сыграли женщины. Обычно у Малышева была одна постоянная любовница, случайных связей Николай Алексеевич избегал. О смене очередной пассии на новую мы, руководящий состав РОВД, догадывались по телефонным разговорам Малышева. Если начальник говорил по телефону с женщиной сурово и лаконично, то это была его жена, а если он расплывался в улыбке и шутил с какой-нибудь Ниночкой, то это была любовница.

Лысина внесла свои коррективы в любовные похождения Николая Алексеевича. Он стал сомневаться в себе и начал менять женщин, как перчатки, и с каждой из них старался понять, потерял он мужскую силу и привлекательность или нет. Он даже со студентками стал знакомиться, что в его возрасте совершенно излишне. Молодую ветреную студенточку в пятидесятилетнем мужчине может заинтересовать или его

кошелек, или богатый любовный опыт, но уж никак не количество волос на голове.

Поменяв качество женщин на их количество, Малышев потерял осторожность, стал встречаться с любовницами в гостиницах. Простому смертному с местной пропиской номер в гостинице никогда не дадут, другое дело начальник милиции – он по телефону и номер заказывал, и любовнице давал указания, куда и когда подойти.

Катастрофа не заставила себя ждать. В начале марта 1987 года Николай Алексеевича с очередной студенткой застукала в гостинице «Кристалл» родная сестра его жены. Сестра, на мой взгляд, была неумной женщиной. Она могла бы промолчать об увиденном и не лезть в чужие дела. Но нет же, донесла на родственничка и сделала это не когда-нибудь, а именно Восьмого марта, в самый женский день в году!

Жена Николая Алексеевича обиделась, но не на него, а на сестру. Оно и понятно, после двух десятков лет в браке на мужа обижаться уже поздно, раньше надо было его воспитывать. Прямо во время праздничного застолья жена Малышева во всеуслышание заявила сестре: «Чем моего мужа в грязи полоскать, расскажи лучше своему Боре, сколько раз ты ему рога наставляла в доме отдыха «Энергетик»! Он у тебя весь в делах, с тобой на выходные не выезжает, вот и поведай ему, от кого ты аборт год назад делала!»

Следом за женами в перепалку вступили мужья, каждый из них безоговорочно встал на сторону своей супруги. Род-

ственники рассорились. Началась месть. Рогоносец-муж Боря работал в горкоме партии. С его подачи к нам в райотдел зачастили проверка за проверкой. По служебной линии Борис не мог ужалить начальника РОВД, зато недостатков в партийно-политической работе нашел столько, что Малышева можно было на Колыму ссылать. Шел 1987 год, партия была еще сильна, карьер перестройки только начал подтачивать ее зубы. Выговор-другой по партийной линии означал закат карьеры в МВД.

К чести нашего начальника, под натиском партийного функционера он не сломался и продолжал добросовестно тянуть свою лямку.

Добил Николая Алексеевича автор статьи «Бронированные мундиры». Именно с момента опубликования этого пасквиля начался разгром советской милиции, затронувший всех, кто присягал на верность народу.

Статья «Бронированные мундиры» была опубликована в марте 1987 года в журнале «Огонек». Эту статью я ни разу не читал, зато трижды прослушал ее. Три раза эту статью мне читали вслух! В первый раз перед оперативным составом уголовного розыска Кировского РОВД «Бронированных мундиров» зачитал начальник ОУР Васильев. Через два дня всему личному составу РОВД эту же статью читал замполит. Еще через день со знакомым журнальчиком на трибуну вышел представитель политотдела областного УВД.

О чем же эта статья?

Вот ее краткое содержание. Осенью 1985 года по инициативе прокурора республики Карелия Богданова было возбуждено уголовное дело в отношении двух сотрудников уголовного розыска Октябрьского РОВД города Петрозаводска. Арестованные по приказу прокурора области опера обвинялись в избиении задержанного по подозрению в краже автотопочастей. Коллеги арестованных не поверили в их вину. Каждый вечер под стены следственного изолятора приезжали сотрудники Октябрьского РОВД и кричали в мегафон: «Братья, не отчаивайтесь, мы вас в беде не бросим!» По мнению автора статьи, поддерживать товарища, попавшего в беду, – это подло и в высшей степени предосудительно.

Если бы эта статейка не была написана по заказу властей, ее бы никто не заметил. Но кому-то в Кремле было выгодно начать «перестройку» милиции. Немедленно после публикации «Бронированных мундиров» Генеральный прокурор СССР Рекунков собрал совещание прокуроров союзных республик, краев и областей РСФСР. На этом совещании Генеральный прокурор потребовал усилить надзор за работой милиции и в качестве примера привел решительные действия прокурора Карелии.

Прокуроры союзных республик были не дураки и на указания своего босса наплевали, зато в РСФСР за милицию взялись с беспрецедентной беспощадностью. Негласно началось соревнование прокуратур: кто больше возбудит на сотрудников милиции уголовных дел и кто больше арестует

ментов. В 1988 году в нашей области у прокуратуры был самый настоящий план по возбуждению уголовных дел в отношении сотрудников МВД. Планы у нас, как известно, принято перевыполнять.

Участковый Зверев, про которого я рассказывал Ковалику, был одной из первых жертв статьи «Бронированные мундиры». За ним последовали другие. Порой доходило до абсурда – заходит прокурор в клетку к задержанным преступникам и спрашивает: «Вас не били?» Воры и грабители чистосердечно отвечают: «Нет!» А прокурор им: «А если лучше подумать?» Бандиты и насильники быстро поняли, на чьей стороне власть, и стали наглеть – чуть что, сразу прокурами стращать.

Менты, выйдя из ступора, повсеместно решили: мы – за неукоснительное соблюдение социалистической законности! Зря, что ли, нам трижды эту статейку читали? Мы урок поняли. Пальцем больше ни одного бандюгу не тронем, пускай творят, что хотят! Пусть прокуроры преступления раскрывают, а нам в расцвете лет ни за что ни про что за решетку неохота. Реальная раскрываемость преступлений в РСФСР в 1987–1988 годах упала до уровня очень сложного послевоенного 1946 года, но в цифрах все обстояло вполне благополучно. Мухлевать с процентом раскрываемости преступлений умеет каждый уважающий себя начальник районной милиции.

После выхода мартовского журнала «Огонек» кресло под

Малышевым зашаталось. У нас за полгода двух сотрудников арестовали. Дальше – больше, совсем беспредел пошел.

Летом 1987 года два балбеса-студента напялили шорты и решили прогуляться по центральной улице района. Естественно, за неподобающий вид в общественном месте их задержали и доставили в РОВД. Всегда так у нас делали. Шорты – это одежда для пляжного отдыха, а не для прогулки по многолюдной улице. Студентам выписали штраф за нарушение общественного порядка и отпустили по домам. Родители студентов бросились за помощью в прокуратуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.